

ОЛЕГ ШОВКУНЕНКО

ОРУЖЕЙНИК

302

ТЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Шовкуненко

**Оружейник. Книга первая.
Тест на выживание**

«Автор»

2010

Шовкуненко О.

Оружейник. Книга первая. Тест на выживание / О. Шовкуненко — «Автор», 2010

Нашествие галактических кочевников положило конец цивилизации людей. Земля превращена в свалку, на которой царят радиация, чудовищные аномалии, жуткие инопланетные твари. Гарантией жизни уцелевших людей является лишь оружие. Именно его поиском, доставкой и ремонтом занимается бывший танкист полковник Максим Ветров. Бронетранспортер Ветрова курсирует между последними человеческими колониями Подмосковья. В своем стальном чреве он несет не только цинки с патронами и выдавшие виды Калашниковы, но и надежду, веру, что когда-нибудь все закончится, что мир вновь станет прежним. Но свершится ли это чудо? Содержит нецензурную брань.

© Шовкуненко О., 2010

© Автор, 2010

Глава 1.

«Ханхи не хотели нас завоевывать. Кто мы для них? Никто, пустое место, недоразвитые куски органической материи. На таких даже не стоит обращать внимание. Ну, разве что иногда придется прихлопнуть миллион-другой особо рьяных букашек, досаждавших их долгожданному отдыху. Да, именно отдыху! Ханхи сделали на нашей планете лишь короткий привал, одну из тех бесчисленных остановок, которые они совершают по пути своего бесконечного звездного странствования. Привал... Это был именно привал. Только вот после него наша цивилизация перестала существовать, наша планета превратилась в свалку, на которой царят радиация, зловонные ядовитые испарения, чудовищные формы инопланетной жизни.

Нам тяжело, нас мало, но мы все же живы. Мы люди и не можем просто так доживать свой век. Мы должны бороться. Мы должны возродить этот некогда светлый и прекрасный мир. Давайте объединимся. Приходите к нам. Вместе мы сила, вместе мы выстоим и победим!

Наша база находится: город Одинцово, перекресток Можайского шоссе и улицы маршала Неделина. Ориентиры: разрушенная церковь и Ледовый дворец спорта».

Я дочитал и со вздохом полным горькой иронии содрал написанную от руки листовку с облупленной кирпичной стены. Цирк-зоопарк, ну, Крайчек, ну дает, сочинитель, блин, хренов! Всю новейшую историю накатал. Нет чтоб просто и понятно объяснить – мол, потери в последнее время у нас были офигенные. Народ перебили, а припасы остались. Собачатинка, там, вяленая или консервы со старого продсклада. Так что заходите, не стесняйтесь. Поможете оборонять периметр, а мы вам за это дадим хотя бы видимость спокойствия и безопасности.

Я четверо сложил белый еще достаточно чистый листок в клеточку и засунул его в нарукавный карман своего выцветшего ХБ. Пойдет на самокрутки. Сигарет сейчас, как говорится днем с огнем..., а вот какая-то колючая трава, которая вдруг объявилась на окраинах могильников и которую местные умельцы научились недурственно готовить, вот она вполне пригодна для самокруток. Никотина в этом жмыхе как кот наплакал, да и во рту потом остается горьковатый привкус, словно от полыни, но для старых заядлых курильщиков, подобных мне, пойдет и такое зелье. Все ж лучше, чем ничего.

Положив руки на висящий на груди автомат, я огляделся по сторонам. Вроде тихо. Даже как-то подозрительно тихо. Только ветер гуляет в кронах мертвых почерневших деревьев, да колышет пучки бурой мутировавшей от радиоактивных выбросов травы. Вдалеке маячат расплосованные гравитационным лучом многоэтажки Кутузовского микрорайона. Они обреченно пялятся пустыми глазницами выбитых окон, щерятся уродливой шахматкой обрубленных, словно обрезанных ударом гигантского мачете, квартир. На мосту, где под Можайское шоссе ныряет широкая асфальтовая лента Минского, замерла парочка разбитых, разграбленных легковушек. Я не так уж и часто езжу по этой дороге. Последний раз был примерно месяц назад, но мне кажется, что тут ничего не изменилось. Ладно, хватит любоваться природой, посмотрим, что творится в городе.

Я развернулся и только-только хотел поставить ногу, на подножку у двери бронетранспортера, как вдруг почувствовал чей-то взгляд. Это мы так по старинке выражаемся «почувствовать взгляд». На самом деле теперь это совсем другое ощущение. Кажется, что тебе легонько двинули по затылку. В результате на одно короткое мгновение наступает потеря равновесия. Это очень опасное мгновение. Именно в этот миг хищник и нападает.

Меня спасла одна из моих обычных привычек. Выходя из укрытия, я всегда снимаю автомат с предохранителя и взвожу его. Не лишняя предосторожность. Особенно учитывая скорость и ловкость местной фауны. Вот и сейчас все, что мне потребовалось, так это лишь быстро сунуть ствол Калашникова себе подмышку и надавить на спуск.

Ударившая очередь угодила льву прямо в огромную разинутую пасть, из которой вот-вот грозил выстрелить целый пучок липких ядовитых, прочных как стальная проволока нитей. Панцирь у зверюги будь здоров... штука прочная как броня. Его можно пробить разве что кучной очередью или бронебойными. Но на этот раз мне крупно повезло, можно даже сказать фантастически повезло. Один шанс из сотни, если не из тысячи. Не встретив сопротивления, тяжелые пули калибра 7,62 вошли прямо в глотку, затем размолоти примитивный мозг и уже изнутри ударили в толстую хитиновую каску-череп, заставляя льва опрокинуться на спину. После этого мне оставалась лишь самая легкая работенка – добить тварь. И я с глубоким удовлетворением всадил половину рожка в белое брюхо, аккуратно меж шестью паучьих трехсуставных конечностей.

Покончив с хищником, я поискал то укрытие, откуда тот мог выпрыгнуть. Руины небольшого придорожного кафе, возле которого я остановился, выглядели вполне безопасными. Здесь не осталось больших закрытых для обзора помещений, где бы могла притаиться зверюга размером с откормленного теленка. Откуда же тогда?

Пока я разглядывал невысокие кирпичные стены и обрушившиеся внутрь здания металлические балки, на которых все еще кое-где продолжали болтаться листы металлочерепицы, ветер стих. В ту же секунду в нос мне ударила вонь. Вообще-то, навозные львы всегда смердят, но не так же сильно! Опустив взгляд на валявшуюся в паре шагов от меня грязно-желтую тушу, я скривился. Лапы гигантского волосатого клопа были вымазаны в какую-то темно-коричневую кашу. Следы этой отвратной субстанции обнаружили и на приплюснутой чешуйчатой морде.

– Что ж за дерьмо он жрал? – спросил я сам себя.

Звук моего голоса прозвучал как будто со стороны. Как будто это говорил не я, а кто-то другой. И в самом вопросе этот неведомый некто подсказывал мне ответ.

Цирк-зоопарк! Чтоб я пропал! Как же можно было забыть! Кафешка ведь на подъезде к городу. Канализацию сюда понятно не дотянули. Значит, должна быть выгребная яма. А ее эти твари очень даже уважают. Не исключено, что у льва там гнездо, яйца или даже может уже личинки.

Я быстро огляделся по сторонам. Метрах в двадцати от угла здания, того самого, где я сорвал листовку, виднелся невысокий, кое-где сломанный штакетник. Он огораживал кварталов десять пустой, ни чем не застроенной территории. Вот это, наверняка, и есть то самое место, которое я искал.

Конечно, можно было сесть в БТР и просто уехать. Предупредить людей Крайчика о логове льва, и совесть моя была бы чиста. Но тогда победа будет выглядеть какой-то неполной, убогой что ли. В чьих глазах? Да в моих собственных. Я ведь вроде как тоже живу, в этих краях, а посему мне тоже положено делать их спокойней и безопасней. А, кроме того, не стоит забывать, что эта сука хотела меня сожрать!

Последний аргумент довел меня до нужной кондиции. Я зарычал как разъяренный кентавр, нырнул внутрь «восьмидесятки» и там ухватил черную пластиковую канистру, в которой по моим расчетам еще оставалось литров так пятнадцать высококачественного бензина эксклюзивной отечественной марки А-80. Выбравшись наружу, отвинтил пробку, сунул в горлышко солидный кусок ветоши и осторожно двинулся в сторону облезлого штакетника. До невысокого, некогда выкрашенного в белую краску заборчика оставалась еще дюжина шагов, когда я увидел это... В центре огороженного выложенного побитой тротуарной плиткой пятючка зияла черная, развороченная словно воронка дыра. Не знаю из чего была изготовлена крыша выгребной ямы, но зверюга ее полностью разворотила. Уютно устроился, гад! Усадьба с уютным двориком и живописным видом на оживленную дорогу, по которой люди бегут из разоренной Москвы. Я скрипнул зубами, когда увидел грязные окровавленные лоскутья ткани, валявшиеся по краям от черного провала. Скольких же несчастных, ты тут приговорил?! Ах ты, гнида, небось кормил своих мелких ублютков! Ну, погоди, сейчас я им устрою!

Я не желал больше медлить. Щелкнув зажигалкой, поджог край тряпки затыкавшей горлышко канистры. Ветошь была неоднократно измазана в масле и саляре, поэтому сразу занялась веселым коптящим огоньком. Я не стал дожидаться пока он подпитется парами бензина. Подскочил к штакетнику и, размахнувшись, швырнул через него канистру. Пластиковый сосуд ухнул в черноту ямы, и падение его сопровождалось отчетливым шлепком или даже скорее всплеском. Несколько секунд ничего не происходило, и я уже стал опасаться, что фитиль угондился в какую-нибудь лужу и погас. Однако вскоре воздух над ямой стал заметно колебаться. Ага, разгорается родимая! Только я успел об этом подумать как из глубины вырвался раскаленный огненный сноп. В этот же миг послышался резкий высокий визг. Кричало не одно существо. Воздух сотрясали как минимум десяток голосов.

Личинки! Подумав о жирных похожих на сороконожек гусеницах, я поднял свой старый верный АКМС. Нельзя дать им расползтись. Эти твари жутко живучие. Поэтому часть уцелеет даже вне гнезда. А людям, тем, кто продолжает оставаться в Одинцово только и не хватает, чтобы в окрестностях появилось полдюжины свирепых вечно голодных львов.

Понимая это, я ждал. Ждал пять секунд, десять, тридцать, минуту. Визг прекратился. Из ямы никто так и не появился. Очевидно преодолеть вертикальные бетонные стенки личинкам оказалось не под силу. Вот и прекрасно. Бензина у меня завались, и он расходуется не так быстро как патроны. Так что экономию боеприпасов можно лишь поприветствовать.

В город я въезжал, чувствуя уже слегка подзабытый эмоциональный подъем. Я прикончил навозного льва! Такое мало кому удастся в одиночку. В основном этих тварей выслеживает и загоняет группа охотников, как минимум человек в десять. Так что я вроде как отличился. И не просто продемонстрировал, что у далеко уже не юного полковника Максима Григорьевича Ветрова есть еще порох в пороховницах, но и сделал хорошее важное дело. Конечно, я и так делаю кое-что полезное, и многие живы благодаря именно моим стараниям. Но разве бывает норма на доброту, на взаимовыручку, на поддержку, на человечность? Чем их больше, тем светлей и прекрасней наш мир. Так нас когда-то учили, и этот урок я запомнил до конца своих дней.

Подумав о мире, в котором нам всем сейчас доводится жить, я огляделся по сторонам. Вот он, пасмурный, серый, разоренный, смертоносный. Этому городку еще сравнительно повезло. А вот другим... Половина Москвы ухнула в бездонный разлом, на месте Тулы и Рязани лишь черные обугленные воронки. Над Брянской областью продолжает упорно висеть густое ядовитое облако. Ханхи что-то туда слили, и эта дрянь испаряясь, убивает все на сотни километров вокруг. А есть места вообще непонятные. Говорят, Липецк стоит целехонький, ни одно окно не разбито, ни один проводок на столбах не оборван, только вот пеплом весь завален. Город словно одна гигантская микроволновка. Несколько раз в сутки что-то в нем происходит, и в один миг вся органика оказавшаяся на его территории сгорает. Бах, и только пепел. Рассказывают еще, что есть города-призраки. Тверь, например. Один раз подъезжаешь к ней – стоит город, а через пару дней на этом самом месте лишь голое поле. Потом опять появляется, а через некоторое время вновь исчезает. Вот такие-то чудеса, будь они прокляты!

Так что по сравнению с другими местами Одинцово, Подольск, Серпухов это еще рай... вернее, райский заповедник. Я подумал об этом, увидев какую-то трехметровую склизкую тварь, которая довольно проворно заползала в подъезд одной из многоэтажек. Небось что-то там учуяла, падлюка!

Я остановил машину, как можно быстрее перебрался в башню и навел КПВТ на студенистое словно наполненное грязной зеленой блевотиной тело. Хватило лишь одной короткой очереди. Пули калибра 14,5 миллиметров разорвали похожее на холодец тело, а вместе с ним превратили в пыль половину подъезда. Когда с гнусным червяком было покончено, я высунулся из люка, окинул взглядом окна здания и во всю глотку прогорланил:

– Эй, есть кто живой? Выходите, не бойтесь!

Я надеялся, что чутье меня не обмануло. Внутри зданий звери прятаться не любят. В своих некогда спокойных и безопасных жилищах скрываются лишь люди.

В окне третьего этажа сперва что-то мелькнуло, а затем на свет божий высунулись два лица: мужское и женское или правильнее будет сказать девичье и мальчишечье.

– Спускайтесь! – я махнул им рукой. – Только не через подъезд. Зайдете в любую из квартир на первом этаже и подадите знак. Я подъеду.

– Мы идем! – прокричал пацан и первым скрылся из виду. Девушка еще несколько секунд меня изучала, словно решая доверять или нет незнакомцу, но затем все же и она исчезла в темноте оконного проема.

Эти двое бесспорно из колонии Крайчека. Однако, странно, что они меня не узнали. Мою «восьмидесятку» с бортовым номером «302» знает вся округа от Истры до Серпухова. А эти глядят, как будто видят впервые.

Стоя в водительском люке, я ждал. Калаш держал наготове. Вдруг возникнут еще какие сложности. Но слава богу все обошлось. Через пару минут на первом этаже распахнулось окно, и на подоконник вскарабкался тот самый парнишка. Он не стал ждать, когда я его подберу. Не раздумывая прыгнул вниз. Два с половиной метра это конечно немного, но и с них получается удар аккурат как во время приземления с армейским парашютом. Сильный скажу я вам удар. И любой нормальный человек к нему готовится, настраивается... ну, хоть пару секунд, ну хоть одно короткое мгновение. А этот нет. Сиганул вниз как будто там не асфальт, а целая гора мягких пуховых перин подложена, и прыгать на них его самое любимое занятие.

Пацан упал на ноги и, гася инерцию, перекувыркнулся. Ловко так, словно его много месяцев обучали этому трюку в одном из спецподразделений. Во время его кульбита я заметил маленький АКС-74у, который висел у мальчугана за спиной.

Девушка появилась в окне почти в тот же миг, как ее напарник встал на ноги. С тридцати метров я не особо разглядел ее лицо. Но вот что сразу бросилось в глаза, так это ее винтовка. Это ни какая-то там малокалиберная биатлонная пукалка, это грозная армейская СВД. Молодой снайпер закинула оружие за плечи и стала спускаться. Девушка не стала опрометчиво прыгать вниз. Она уцепилась за подоконник, повисла на нем, и лишь когда от ее обутых в армейские ботинки ступней до земли оставалось около полуметра метра высоты, разжала пальцы. Паренек одарил свою напарницу надменным чуточку насмешливым взглядом, а затем, словно в их команде командиром был именно он, властно махнул рукой и двинулся в мою сторону.

Пока они приближались я с интересом изучал эту парочку. Пацану на вид было лет пятнадцать. Его одежда состояла из не такого уж и старого, сравнительно чистого армейского ХБ, поверх которого была накинута короткая спортивная куртка черного цвета. На ногах у него, как и у девушки, оказались основательно сбитые армейские берцы.

В магазине они такую обувь раздобыть не могли. Выходит, ребятишкам подфартило поучаствовать в опустошении одного из войсковых складов. Оттуда и ботинки, и ХБ. Правда, в военную форму вырядился только мальчуган. На девушке были заправленные в обувь джинсы и старая отливающая темно-синим металликком куртка с капюшоном, что-то типа «Аляски». Капюшон оторачивался искусственным мехом теперь уже неопределенного цвета, который слипся и скатался в грязные сосульки. Из-под куртки виднелся грязно-зеленый свитер с высоким, но уже порядком растянутым воротом. Свои каштановые волосы снайпер подобрала и спрятала под черную бейсболку, над козырьком которой красовалась небольшая эмблема фирмы «Nike».

Когда ребятишки подошли поближе мне сразу бросилось в глаза их сходство. Одинаковые худые скуластые мордашки, курносые носы и темно-карие глаза, которые глядели не по-детски пристально и сурово. Еще больше похожими друг на друга их делала сажа и серая цементная пыль, размазанная по лбам и щекам. Сомнения не оставалось, брат и сестра. Он младший, она старшая... правда не на много, года на три, в крайнем случае на пять.

– Вы чего тут бродите, и всего вдвоем? – я попытался вложить в свой голос нотки родительского гнева. – Жить надоело?!

– Мы разведчики, – гордо ответил пацан, остановившись за пару шагов от БТРа.

– Крайчек послал?

– Вы знаете командира Крайчека? – обрадовалась девушка.

– Знаю. Я тут всех знаю, – я сокрушенно вздохнул и поглядел исподлобья на две худенькие фигурки. Подумал: «Совсем очумел этот гребанный ковбой, детьми рискует! Тут же кругом черт знает что творится!»

Вспомнив о тварях, которые наводнили мертвый город, я поежился. Не рекомендуется в этих местах просто так торчать на открытом месте, тем более после того, как во всеуслышание заявил о себе из крупнокалиберного пулемета.

– Значит так... все, баста, разведка закончена. Забирайтесь внутрь, – я указал на дверь в борту бронетранспортера. – Сейчас открою.

Стоило мне распахнуть бронированные створки, как ребятня живо запрыгнула внутрь. Глядя на них, я улыбнулся. Может Крайчек и надавал им каких-то там заданий, может даже и важных заданий, но искушение прокатиться на настоящей боевой машине оказалось сильнее. Тем более, что этих самых исправно работающих машин детишки не видели уже очень и очень давно.

Оказавшись внутри, оба малолетних вояки прямо таки задохнулись от восторга. Горящими глазами они буквально пожирали вставленные в самодельные пирамиды автоматы, лежащие на сиденьях РПГ-7 и «Мухи», сваленные в проходах ящики с патронами и гранатами.

– Это все ваше? – наконец выдохнул вновь обредший дар речи мальчишка.

– Мое, – я захлопнул бронированную дверь за спинами гостей.

– Откуда... – начал было мальчуган.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – я указал рукой на отделение управления. – Проходите туда. Садитесь где хотите.

– А у вас патроны к моей винтовке есть? – девушка не двинулась с места. – У меня только двенадцать штук осталось. Мне бы еще хоть две обоймы. – Произнося это, она посерьезнела. – Может, я смогу у вас их на что-нибудь выменять?

– Разберемся, – пообещал я, и на этот раз уже не попросил, а приказал. – Ступайте вперед и садитесь! Надо уходить.

И только я это произнес, как в корму БТРа что-то ударило. Хорошо так ударило. Словно какой-то раззява водитель, ехавший сзади, зазевался, не успел затормозить и в результате этого испробовал на прочность броню боевой машины.

– Цирк-зоопарк! – в присутствии детей я не имел возможности более точно охарактеризовать обстановку.

– Кто это? Ведь рядом никого не было! – воскликнула девушка.

– Держитесь!

Времени у меня оставалось только на эту команду. Следовало уходить, если конечно было еще не поздно. Прыгнув на место водителя, я подумал, что весьма предусмотрительно не заглушил мотор. Так что без проводов включил первую передачу и рванул вперед. Ага, это мне только так хотелось, чтобы рванул. На самом деле БТР лишь слегка дернулся, а затем к натужному реву двигателя добавилось змеиное шипение трущихся проскальзывающих по асфальту колес. Нас кто-то держал, причем держал крепко. Казалось, к машине прицепили толстый танковый трос, другой конец которого был закреплен на чем-то огромном, железно-дорожном локомотиве, не меньше. И вот этот самый локомотив вдруг начал давать задний ход. Бронетранспортер медленно пополз увлекаемый неведомой силой.

Ах ты мать твою за душу! Я поставил машину на тормоз и развернулся в кресле, готовый броситься в башню. Однако, я этого так и не сделал. Сиденье башенного стрелка было

уже занято. Мальчуган стоял на нем одним коленом. Я видел спину в задравшейся черной куртке, видел выбившуюся футболку и скатавшийся джемпер. Голова и руки пацана скрывались в башне, и он колдовал там с винтовым механизмом наведения пулемета.

Цирк-зоопарк, куда ж он полез! Ведь не знает же ни хрена! Только помешает, время потеряем! Не успел я об этом подумать, как КПВТ ожил и дал длинную очередь. В тот же миг БТР трянуло, словно он подпрыгнул на большой кочке.

Неужто повезло и парню с перепугу действительно удалось кого-то подстрелить? Ладно, сейчас посмотрим. Я вновь вцепился в баранку и сразу дал газ. Мотор взревел и бронетранспортер двинулся вперед... медленно, будто его что-то продолжало удерживать. И тут неожиданно послышался хлопок. Мне даже показалось, что в моторно-трансмиссионном отделении лопнул какой-то шланг. Однако, двигатель не захлебнулся. Наоборот, он заработал легко и ритмично, позволяя «восьмидесятке» быстро набрать скорость.

– Вырвались, кажись, – сообщил мальчишка, оторвавшись от оптического прицела башенных пулеметов.

– Что это было? – мне страсть как хотелось поглядеть на эту тварь самому, но чутье подсказывало, что лучше будет подобру-поздорову убраться отсюда подальше.

– Дерево какое-то, – удивленно произнес мальчуган.

– Какое еще дерево? – не понял я.

– Похоже на дерево, – юный стрелок принялся описывать. – Вылезло оно из люка в мостовой. Ветви такие... серые в черные пятнышка, подвижные, извиваются как лапы у осьминога. Я его очередью аккурат под самый корень срубил.

– На вьюнок похоже, – задумчиво протянул я. – Не ожидал, что он уже и здесь в Одинцово объявился.

– Что за вьюнок такой? – цепляясь за поручни, девушка подошла поближе и уселась на место стрелка сразу за командирским сиденьем. – Мы о нем никогда не слышали.

– Да есть такая зараза. Я с ней впервые в Москве повстречался, еще до того, как ханхи ушли. В городах гнездится в основном в подземных коммуникациях, а на природе норы роет. Сидит в них, значит, и ждет пока не почувствует добычу, а потом изловчится и выбрасывает щупальца. Оплетет ими жертву и держит пока та под действием ее яда в жидкость не станет превращаться. Потом этот супец вьюнок прямо через шкуру впитывает. И быстро так это дело происходит. Мне говорили, что от коровы за час и следа не остается.

– Это вы его звуком работающего двигателя привлекли, – девушка сделала вывод из моих слов.

– Должно быть, – повинился я.

– Сильный какой, – сокрушенно покачал головой юный снайпер. – К броне намертво приклеился!

– Я думаю, он БТР за правое заднее колесо схватил, – пояснил ее брат.

– Печально, други мои, – я тяжело вздохнул. – Скорее всего шину эта тварь попортила. Менять придется. А у меня их и так мало в запасе.

– Я выстрелил так быстро, как только смог, – мальчишка воспринял мой вздох как укор.

– К тебе претензий нет. Ты молодец. – Я оторвал взгляд от дороги и кивнул пацану. – Откуда знаешь как работает пулемет?

– Отец показал. Правда, не стрелял никогда. – Тут в глазах парнишки засветился восторг. – Здорово получилось. Пулемет – сила!

– Значит, отец у вас военный? – догадался я.

– Майор. Был командиром мотострелкового батальона, – с гордостью отрапортовал мальчуган.

– Жив? Отец жив, я имею в виду?

После этого моего вопроса внутри бронетранспортера повисла тишина. Я понял, что своим прямым бестактным вопросом причинил детям боль.

– Он пропал, – за брата ответила девушка. – Ушел с группой в рейд, да так и не вернулся. Никто из них не вернулся.

– Понятно, – протянул я задумчиво. – А где дело было?

– Под Харьковом.

– Где?! – я не поверил своим ушам.

– Под Харьковом, – повторила девушка, не понимая моего недоумения.

– Вы были на Украине, а потом добрались сюда, к самой Москве? И все сами, пёхом?

– Почему же сами? Мы всем лагерем пошли. Почти триста человек. Оставаться было нельзя. Туман приближался очень быстро.

– Туман?

– Да, такой серый и плотный. Он шел с юга словно стена. Кто в него попадал, там и оставался. Так что путь у нас был один – только сюда, на север.

– Сколько времени шли?

– Почти четыре месяца.

– И много вас сюда добралось?

– Восемнадцать человек, – девушка произнесла это очень тихо, с болью и тоской. Наверняка она вспомнила всех тех, кто не дошел, кто остался на этой страшной дороге.

Да уж, пустошь это еще то испытание! Хотя сейчас и в городах не намного безопасней. Зверье... везде это проклятущее зверье! Подумав о врагах рода человеческого, я огляделся по сторонам. Особого оживления вокруг не наблюдалось, разве что кое-где на стенах домов поблескивали метровые темно-коричневые слизняки. Они объедали те грязно-белесые, словно известковые наплывы, которые оставляли кислотные дожди.

Вообще мертвый город производил жутковатое давящее впечатление. Когда-то давно, лет так десять назад мне довелось побывать в Припяти, покинутому городе близ Чернобыльской АЭС. Так вот там все выглядело совсем иначе. Просто пустой, постепенно ветшающий, разрушающийся город. Я с тоской бродил по нему, как будто по мемориалу, посвященному человеческой беспечности, безалаберности и самоуверенности. Конечно, где-то в глубине подсознания попискивал мой внутренний счетчик Гейгера, сигнализировал, подлец, что покинутый поселок атомщиков не лучшее место для прогулки. И это все.

Совсем иное дело Одинцово, да впрочем и все остальные города постханхийской эры. Они другие, абсолютно другие. Они дышат смертью. Тут мне вспомнились улицы, заваленные горами трупов. По мертвым телам молотил едкий кислотный дождь, и от этого как одежда мертвецов, так и кожа под ней превращалась в скользкую слизь, текла словно сыр на разогревающейся в микроволновке пицце. Я видел все это собственными глазами. Я стал свидетелем и того, как после страшного ливня по тротуарам поползли мерзкие создания, которые жадно впитывали жидкий супец из кислоты и растворенной в ней человеческой плоти. Со временем на помощь амёбам пришли более расторопные и прожорливые твари. За каких-то пару месяцев они общими усилиями очистили города не то что от гниющих мертвых тел, но даже и от костей. Миллионы людей исчезли будто их никогда и не существовало, будто они никогда не жили здесь, не гуляли, не любили, не смеялись, не воспитывали своих детей.

Когда гигантские урбанистические кормушки были выедены до чиста, основная часть нечисти ушла из городов. На легких, дарованных человечеством практически даром харчах, она значительно расплодилась и разжирела. Инопланетные твари почувствовали в себе силы, чтобы покончить со всей остальной жизнью на Земле. На это у них ушло примерно полгода. Когда бескрайние территории нашей планеты превратились в пустоши, настала третья фаза эволюционного процесса – зверье начало пожирать друг друга. В результате выжили самые сильные, кровожадные, наиболее приспособленные. Вот сейчас они и охотятся друг на друга, а

заодно и на нас, последних из людей, тех, кому удалось пересидеть жуткие времена в глубинах противоатомных бомбоубежищ, военных бункеров, метрополитенов.

Возможно люди и дальше продолжали бы прятаться под землей, но нам надо было есть, пить, бороться с болезнями, защищаться от врагов. Средства для всего этого можно было отыскать только на поверхности. Вот тогда-то нам и пришлось выйти.

Я иногда думаю, что высшая сила позаботилась о том, чтобы ресурсы подземных ноевых ковчегов выработались так быстро. Это заставило людей вернуться в свой мир. Да, уродливый. Да, разоренный. Да, смертельно опасный, но все же свой! Мы поняли, что атмосфера начинает очищаться, что почву можно восстановить, а воду отфильтровать. Мы вспомнили, что от врагов не стоит прятаться, их надо убивать. Мы поняли, что не должны превращаться в крыс, что наше счастье, наше будущее мы держим в своих собственных руках.

Тут я поймал себя на мысли, что начинаю цитировать листовку Крайчека. Ну что ж, ничего странного в этом нет. Каждому здравомыслящему человеку должно приходиться это в голову. А кого по скудости ума или, скажем, малолетству данная тема пока не интересовала, пусть читают прокламации одиноцкого лидера, внимательно читают и верят каждому написанному там слову.

– Ну, и как вам в Одиноцове? – я окликнул своих юных пассажиров, стараясь отвлечь их от горестных мыслей, а заодно и проверить как там насчет пополнения в рядах идейных бойцов за светлое будущее всего человечества.

– Здесь гораздо безопасней.

– Неужели? – я усмехнулся, припомнив давешнюю встречу со львом.

– Да, здесь только звери и нет аномалий. А со зверьем можно справиться.

Я на миг оторвал взгляд от дороги и метнул его на девушку. Та любовно поглаживала свою снайперскую винтовку. В юном создании было столько уверенности в своих силах, что я не удержался и иронично хмыкнул.

Она услышала:

– Вы напрасно смеетесь. Я между прочим кандидат в мастера спорта по стрельбе. Может, стала бы и мастером, не случись всего этого... – Барышня сделала красноречивый всеобъемлющий жест рукой.

– И как зовут-величают прелестного снайпера?

– Лиза, – моя новая знакомая не стала жеманничать.

– А я Павел, – с достоинством отрекомендовался мальчишка.

– Тогда будем знакомы, меня зовут Максим Григорьевич...

Я хотел добавить полковник бронетанковых войск, но конец этой фразы так и застрял в глотке. Мой взгляд, доселе лениво скользивший по пустынной улице, теперь буквально прикипел к растрескавшемуся асфальтовому полотну метрах в тридцати перед носом «восьмидесятки».

Посреди дороги лежал человек. Он был еще жив, если говорить о настоящем моменте, и мертв, если иметь в виду самое ближайшее будущее. И это потому, что его угораздило повстречаться с наездником, да еще на открытом месте, там, где этот хищник особенно опасен. Эта тварь может долго и быстро бежать. Догоняя свою жертву, она прыгает на нее сверху, прижимает к себе, растекается по ней и всей своей внутренней поверхностью начинает переваривать. Вырваться практически невозможно.

Вот и сейчас я видел именно этот отвратительный момент. Человек лежал на спине, а черный метровый в диаметре блин накрывал ему голову, грудь и часть живота. Несчастный еще судорожно дергал руками и ногами, но высвободиться, конечно же, не мог. Тварь накрепко обняла его своими пятью тонкими и длинными, как спицы ногами, растущими по периметру плоского тела.

Помочь я уже ничем не мог. Даже если бы каким-то чудом и удалось оторвать наездника, его желудочный сок, проникший в тело человека, прикончил бы того в течение получаса. При чем смерть наступила бы в страшных муках. Поэтому единственное, что было в моих силах это оборвать страдания моего собрата и одновременно покарать его убийцу.

Скрипнув зубами, я надавил на газ и всеми четырьмя правыми колесами тринадцатитонной боевой машиной размазал по асфальту как охотника, так и его жертву.

Почувствовав толчок, увидев мое побелевшее, превратившееся в каменную маску лицо, Лиза всполошилась:

– Максим Григорьевич, что произошло?

Я резко остановил машину.

– Так говоришь, здесь безопасно?

Девушка молчала, продолжая пристально глядеть мне в лицо. Однако, следующие мои слова были обращены совсем не к ней:

– Паша, а ты не хочешь смотаться наружу? Там, позади БТРа автомат лежит. Принеси, пожалуйста. Он еще может послужить нашему делу.

– Как, просто так валяется посреди улицы? – не поверил своим ушам мальчишка.

– Ну, не совсем просто так, – протянул я. – Только ты не особо засматривайся на его бывшего владельца. Нет в этом ничего приятного, да и не спокойно тут что-то стало в последнее время.

Когда мальчуган ринулся к двери, я приказал его сестре:

– Давай выглянем из люков, подстрахуем его, а то мала ли что...

Лиза все мигом поняла. Подняла СВД и уже хотела открыть люк над местом командира, но я ее остановил:

– Нет. Пошли к десантным люкам, тем, что за башней.

Я первым высунулся наружу, осмотрелся и, не заметив опасности, прокричал мальчишке:

– Павел, пошел!

В тот же миг бортовая дверь распахнулась, и юный десантник выскочил наружу. Пацан точно следовал моему приказу. Не теряя ни секунды, он помчался в ту сторону, откуда мы только что приехали. Однако, очутившись позади бронетранспортера, застыл как вкопанный. Я видел, что Пашка, не отрываясь, смотрит на окровавленные перемолотые колесами человеческие останки, из которых как иглы торчали две лапы наездника.

– Боже мой! – рядом прозвучал тихий вздох.

Я повернул голову и заметил, что Лиза смотрит туда же.

– Эй, очнись! – я тронул девушку за плечо. – Следи за местностью, снайпер.

– Это дядя Витя! – прокричал снизу Павлик.

Именно от этого вскрика, а совсем не от моих слов Лиза подняла свою винтовку и через оптический прицел стала шарить по окрестным подъездам, разбитым киоскам, заброшенным автомобилям.

– Хватай автомат и бегом назад! – прокричал я.

Пашка повиновался. Поднял валявшийся в пяти шагах от труппа Калашников и хотел было шагнуть назад, да вдруг остановился.

– У дяди Вити сапоги новые. Почти мой размер, – Пашка повернулся ко мне, будто спрашивая совета. – А мои старые и уже жмут.

– Снимай, только живо! – разрешил я. – Смотри только не измажься в кровь наездника. Обожжет.

– Я знаю, – пацан присел на корточки и стал аккуратно стягивать действительно практически новые кирзачи с раздробленных окровавленных ног мертвеца.

Наблюдая за мальчуганом, мне стало очень больно. Вот цирк-зоопарк, до чего все дошло! Еще пару лет назад люди даже не могли себе представить, что мальчишка может вот так запро-

сто копать в человеческих останках, пытаясь добыть себе новую обувь. И самое страшное, что для него, для меня, да и для всех остальных наших современников все это нормально и очень даже понятно. Многие сейчас даже позавидовали Пашке.

От явно несвоевременных сейчас рассуждений меня оторвало движение. Что-то темное мелькнуло в просвете между стоявшими в полста метрах от нас сожженным микроавтобусом и когда-то серебристым четырехдверным «Ауди». Поскольку эта зверюга вертелась около колес, я подумал, что вреда от нее не будет, должно быть, маленькая и неопасная. Но береженного бог бережет, и я повернул ствол автомата именно в этом направлении.

Тварь словно почувала, что обнаружена, что скрываться больше нет смысла. Совершив высокий прыжок, она перелетела через капот немецкой легковушки. Круглый черный стол на пяти тонких ножках лишь на мгновение коснулся земли, а затем, оттолкнувшись, взвился в новом прыжке. Взрослый наездник одним махом покрывает как минимум десять метров, а раз так, то до Пашки ему оставалось всего три скачка.

Я заорал «Назад!» и уже собирался надавить на спуск, как рядом грохнул выстрел. Стреляная гильза еще не успела звякнуть о броню БТРа, а наездник уже нелепо перекувыркнулся в воздухе и грузно свалился на землю. Упал он совсем не на лапы, а боком, будто споткнулся. Однако, тварь оказалась живучей. Одна пуля ее не остановила. Перебирая лапами, черный паук пополз к мальчишке.

– Сейчас я его, гада... – Лиза вновь прицелилась.

– Не надо! – я остановил девушку. – Не трать зря патроны. Паша вне опасности. Он уже идет. А эту падаль сожрут его же собственные собратья.

Дальше мы ехали молча. Лиза сидела, обняв свою винтовку тупо уставившись перед собой. По щекам у нее текли слезы. Девушка их украдкой вытирала, стараясь не привлекать мое внимание. Видать, уж очень дурехе хотелось выглядеть сильной. Пашка тоже сидел насупленный. Правда, не разводил сырость как сестра, но по всему было видно, что думает он о том же. Как великую ценность он обеими руками прижимал к груди добытые сапоги. И было понятно, что для него это не просто полезная ценная вещь, это память о хорошем человеке, может даже о друге.

Украдкой поглядывая на ребят, я вел машину по мертвой пустынной улице или вернее по шоссе. Можайское шоссе пересекало Одинцово с северо-востока на юго-запад и являлось, пожалуй, самой широкой магистралью города. Я всегда ездил только по нему. Безопасная дорога. С обеих сторон широкие полосы чистой земли, именуемые когда-то газонами. Имелась полная гарантия, что никакая вредоносная гадина не прыгнет на крышу из окна близстоящего дома. А то потом попробуй, отделайся от нее! Я вспомнил, как однажды пришлось даже поджечь машину, чтобы избавиться от настырного прилипалы. Когда здоровенная пиявка отвалилась, я ее раздавил колесами вот точно так же, как сделал это сегодня с человеком. Воспоминания о недавнем страшном событии вернули меня к действительности. Я понял, что до сих пор не спросил у ребят, что же они делали на окарине города. Зачем их послал туда мистер Крайчек?

– Лиза, а искали то вы чего?

Девушка сидела у правого борта, почти рядом со мной, именно поэтому мне с ней было удобно разговаривать.

– Что? Мы? – она не сразу вернулась из сумрака своих горьких мыслей.

– Вы, кто же еще. В разведку зачем ходили?

– Имеются сведения, что где-то в районе улиц Крылова, Чикина, Говорова может остаться нетронутый продовольственный склад или магазин.

– Сведения? Любопытно, и откуда же они взялись?

– Собаку там наши охотники подстрелили, – встрял в разговор Пашка. – Когда потрошили, в желудке нашли куски колбасы. Мужики говорят копченая колбаса, старая, засохшая. Собака ее почти не разжевывая глотала. Перевариться колбаса не успела, значит, недолго в желудке пробыла. Отсюда вывод – собака ее где-то поблизости нашла. А где может отыскаться колбаса, как не в продовольственном магазине? Вот нас и отправили. Три группы по два человека.

– Этот ваш дядя Витя тоже в разведку ходил?

– Угу, – Пашка шмыгнул носом.

– А где ж напарник, тот, что с ним был? – это я спросил скорее сам у себя, так как ребята знать ничего такого не могли.

– Может его тоже того... наездники убили, – едва слышно предположил мальчишка.

Не исключено, – подумал я, а потом поправился. – А почему именно наездники? Ханхи нам столько всяких тварей в наследство оставили... одна другой гадше. И почти каждая страстно желает нас, землян, на тот свет отправить. Всю нашу фауну уже сожрали. Одни мы, люди, пожалуй, и остались. Еще держимся, но уже из последних сил.

Похоже, Лиза мыслила в том же направлении.

– Это дядя Витя привел нас сюда, – задумчиво произнесла она. – Прослышал он, что в Одинцово целую крепость построили и сагитировал нас идти дальше. Мы-то раньше в Подольске осесть хотели.

– Да, Крайчек молодец, – кивнул я. – Голова у него варит, что надо.

Только я это произнес, как впереди показалась большая кольцевая развязка, на которой каким-то чудом умудрилась сохраниться высокая ажурная арка с надписью: «Старая смоленская дорога». От вида сего архитектурного изыска мне почему-то всегда хотелось поискать глазами камень, который весьма вероятно полагался к нему в комплект. Ну, знаете, тот самый придорожный камень с хрестоматийной надписью: «Налево пойдешь...». Но к счастью выбор делать мне не судилось. Вариант для здравомыслящего человека здесь был всего один. И я с облегчением поглядел сквозь бетонную серую и унылую, в полном соответствии с духом эпохи, радугу. В туманной дымке позади нее проступили очертания чего-то темного и огромного, словно там, среди чистого поля, вдруг выросло высокое скалистое плато.

– Вот и добрались, – вздохнул я с облегчением. – Как там с Южными воротами? Готовы или нет?

– Нет, еще не готовы, – проинформировал Пашка.

– Я слышала, закончат только через месяц, – подтвердила его сестра.

– Ладно, тогда двинем к Северным.

Я повернул направо, съехал с Можайского шоссе, обминул застывшую на обочине, покоженную, кое-где тускло мерцавшую позолотой, громаду. Церковный купол от какого-то современного храма, который возвело не верящее ни в бога, ни в черта поколение. Я когда-то слышал, что места для православных церквей выбирались особые, наделенные энергией, силой, добром, светом. И стояли они от этого веками, переживали смуты, войны и нашествия, служили символами и святынями великой Руси.

Однако, похоже, современные зодчие с ноутбуками под мышками, с ГОСТами, СНИПами и планами городской застройки в головах совершенно не думали ни о чем подобном. Не знаю, может, именно поэтому их творению и не суждено было стоять века. Что там и как было, сказать не могу, но факт, как говорится, налицо – руины, которые вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь решит восстановить.

Двигаясь по улице маршала Неделина, я глядел не только на дорогу. Краем глаза косился на огромное фортификационное сооружение, возведенное последними из выживших жителей Одинцова. Основной его частью стали жилые дома. Окна и двери в них заложили вплоть до третьего этажа. Но я прекрасно знал, что это не просто тонкая кладка в два кирпича. Все поме-

щения, которые имели наружные стены, будь то комнаты жилых квартир, лестничные клетки, подъезды или пристроенные магазины, до потолка заполнили землей и битым кирпичом. Балконы и лоджии на нижних этажах срубили. После такой переделки ограждающие периметр здания стали напоминать стены неприступной крепости, над которыми нависли этажей так шесть-десять сплошь усеянные первоклассными огневыми точками. Жаль только, что занять их по большей части было некому.

Для укрепления зданий люди потратили немало сил, однако основной проблемой стали пространства между ними. Вначале их перегородили баррикадами. В ход шло все подряд: от старых автомобилей, столбов, труб, стволов мертвых теперь деревьев до мебели и домашней утвари. На первых порах баррикады достойно выполняли свою функцию и сдерживали зверье, норовившее проникнуть внутрь охраняемого периметра. Правда, для этого на каждой из баррикад доводилось постоянно держать отряд человек так в двадцать-тридцать. Но время шло, зверья становилось все больше и больше. Откуда-то с северо-запада пришли стаи кентавров, и один за другим последовали два прорыва.

Помню я приехал после второго. Внутри весь лагерь был залит кровью и усыпан трупамми людей и многоногих тварей. Отбиться тогда так и не удалось. Уцелели лишь те, кто спрятались и пересидел опасность в главном убежище и других укрепленных подвалах под домами. Честно говоря, тогда я подумал, что этому поселению пришел конец. Но Томас Крайчек был совсем другого мнения. Он сагитировал объединиться людей из маленького лагеря в Галицино. И когда те перебрались в Одинцово, начал на месте баррикад строить стены. Поселенцам очень повезло, что в те времена в городе было еще не так опасно, как сейчас. Молодым одинцовцам удалось с минимальными человеческими потерями перетащить в лагерь стройматериалы из городских складов и магазинов. Кирпич же добывали прямо на месте, разбирая соседние жилые дома. Что и говорить, работа титаническая и самое ужасное – каторжная и опасная, но люди ее сделали. Сделали, так как прекрасно понимали, что другого выхода у них просто нет.

Длинная девятиэтажка, защищающая лагерь с северо-востока, закончилась, и моим глазам открылась как раз та самая стена, которую переселенцы возвели первой. Она была совсем короткой, всего метров двадцать пять-тридцать. Смычка соединяла девятиэтажный дом на улице Неделина с двенадцатиэтажным зданием, которое стояло перпендикулярно и являлось главным защитным бастионом на пути с северо-запада. В основание стены заложили фундаментные блоки, столбы, перемычки и прочие железобетонные конструкции которые поддавались погрузке и транспортировке с помощью имевшихся у поселенцев примитивных механизмов. На бетонную подушку легло пять метров кирпича. Толщиной ограждение получилось метра три и вполне могло остановить даже тяжелый танк. На стене натянули колючую проволоку, поставили фонари и разместили несколько огневых точек. В угловой, обеспечивающей обстрел градусов этак на двести пятьдесят, виднелся ствол крупнокалиберного «Утеса». Этот пулемет Крайчику привез я. Сам устанавливал и пристреливал.

Когда мы завернули за угол, Пашка попросил:

– Дядя Максим, а можно я высунусь из люка?

– Давай! – я понял, что пацану уж больно хочется промчаться на БТРе под завистливыми взглядами стоявших на стене часовых.

– Только пялься не на одну лишь стену. Следи за руинами справа, – строго приказала брату Лиза.

– Не учи ученого! – крикнул Пашка и тут же вылез наружу. Он уселся на край люка, так что внутри БТРа остались лишь его болтающиеся ноги.

– Непоседа, – я кивнул головой в сторону мальчишки. – Наверное, хлопот с ним полно?

Мне припомнился мой собственный сын, когда ему было пятнадцать. Сейчас мне казалось, что мы ссорились ровно через день, а в конце каждой недели он появлялся с разбитой

губой или фингалом под глазом. Как давно это было! Кажется, прошло не пять лет, а целая вечность.

– Да, так... не очень много, – оторвала меня от воспоминаний Лиза.

– Что «не очень»? – я не сразу пришел в себя.

– Хлопот, говорю, не очень много. Пашка вполне самостоятельный и может постоять за себя. Это я так... по привычке его одергиваю. – Тут девушка понизила голос и, придвинувшись ко мне поближе, спросила: – Ну, а как насчет моей просьбы? Патронами я у вас разживусь?

Я все еще вспоминал сына, невольно сравнивал его с Пашкой, поэтому, естественно, замешкался с ответом.

Лиза, очевидно, подумала: я молчу потому, что никак не сложу цену.

– У меня есть две банки сгущенки. Каждая пойдет за десять патронов. – Заметив, что я продолжаю отмалчиваться, девчонка поспешила уступить: – Ладно, за пять. Где же я еще такие патроны возьму?

– Совсем сдурела? Какая еще нахрен сгущенка?! – я постарался выглядеть строго, можно даже сказать грозно, хотя не скрою, слюну все же проглотил. Конечно, сгущенное молоко по нынешним временам – небывалая роскошь, но обирать детей... Не хватало еще полковнику Ветрову до такого опуститься!

Отгнав сладкие, в прямом смысле этого слова воспоминания, я стал соображать, где у меня валяются боеприпасы 7,62x54. А то раснаряжать набитую вручную ленту для ПКТ как-то не очень хотелось. В ведре точно есть. В него я ссыпал все остатки из коробок или патроны, которые где-то и когда-то подбирал.

– Максим Григорьевич, я прекрасно понимаю, что вы хотите другой платы, – Лиза зашептала совсем тихо. Ее голос был едва различим на фоне рокота мотора. – Я могу, я не целка какая-нибудь, мне не впервой. Только тогда пятнадцать патронов дадите, ладно?

Я так резко затормозил, что девчонка чуть не слетела со своего сиденья, а Пашкины ноги ударились о стальной потолок. Ни слова не говоря, я обернулся к перепуганной Лизе. Внутри все клокотало. И находишь девчонка чуток поближе, я бы не удержался и залепил ей хорошенькую оплеуху. Или нет, для оплеухи эта соплячка еще не доросла. Снял бы ремень и врезал по заднице. Кстати, задница у нее вроде ничего, кругленькая такая... Тьфу ты, черт, старый козел, куда это меня понесло! Отвлечшись на мгновение, я растерял большую часть своего гнева. Однако и той, что осталось, вполне хватило, чтобы как следует напугать Лизу.

– Ну, что вы, Максим Григорьевич, – залепетала она. – Мир сейчас такой. За все приходится платить.

– А я, слава богу, еще живу в другом мире, – проскрежетал я и, отвернувшись, угрюмо уставился в водительское окно. – Там, сзади... в углу за пирамидой оцинкованное ведро стоит. Поройся в нем. Что найдешь, то твое. А плата... Плату, конечно же, возьму. Когда приедем, лобовые стекла и фары помоешь, у меня на это времени никогда не хватает.

Несколько секунд Лиза сидела тихо как мышка, а затем вдруг ожила, рванулась ко мне, наклонилась через спинку сиденья и поцеловала в щеку. Меня давно уже никто не целовал, тем более так искренне и горячо. Само собой, что старый полковник Ветров сразу размяк:

– Иди, займись делом, – я по-доброму поглядел в большие карие глаза. – Времени у тебя мало. Заедем в лагерь, я машину запру, а то людишки есть разные. Того и гляди чего-нибудь сопрут.

– Я мигом, – Лиза кинулась в десантное отделение. Чтобы ей было сподручней, я включил внутреннее освещение.

– Спасибо, – выкрикнула девушка.

– По крайней мере «волшебные слова» помнит, и то достижение, – проворчал я и стронул машину с места.

Мы уже были около самых ворот, и я отчетливо видел огромный ржавый квадрат, контрастно выделяющийся на фоне серых кирпичных стен. Ворота были устроены довольно просто, можно даже сказать примитивно, но именно эта простота и обеспечивала их невероятную прочность и надежность. В состав конструкции входило: самосвал «Камаз» – одна штука, швеллера двутавровые – насколько я помню штук восемь-десять, а также обрезки листовой стали толщиной от ноль-пяти до сантиметра – превеликое множество. Из стальных лоскутьев сварили здоровенный щит размером так метра три с половиной на четыре. При помощи швеллеров прикрепили его вертикально к кузову самосвала аккурат позади задних колес. Этим-то стальным бигбордом и загораживали проем ворот, выстроенных точно под его размеры.

Естественно, процесс открывания и закрывания получался довольно трудоемким и продолжительным. Тяжелую машину приходилось вручную катать взад-вперед. Но зато проломить ворота и прорваться внутрь лагеря уже не могла ни одна стая.

Остановившись у ржавой, забрызганной грязью, исцарапанной заслонки, я посигналил, хотя, конечно же, мог этого и не делать. Часовые давно засекли меня и доложили руководству. Теперь Крайчек должно быть собирает людей, чтобы открыть дверь для неожиданного, но неизменно дорого гостя.

Пока я ждал, мысли продолжали крутиться вокруг разговора с Лизой. Уж больно меня эта история задела, кольнула в самое сердце, всколыхнула старые мысли. Ведь если вдуматься, если постараться понять что происходит, так это же тихий ужас! Она собиралась платить собой за патроны. Ни за еду, ни за кров, а за патроны! Вот и выходит, что сейчас есть патроны – есть жизнь, можно найти пропитание, защититься от врагов. А нет зарядов... тогда все, амба, считай ты уже покойник.

Разумеется в этой ситуации я всюду желанный гость. Я привожу эти самые патроны, чиню оружие, обучаю пользоваться всякими войсковыми приспособлениями и приборами. За это мне дают еду, одежду, медикаменты, чистую воду. И так продолжается уже почти два года. Ну, а что будет, когда мои запасы иссякнут, когда на подземных дивизионных складах бывшей Кантемировской дивизии, о которых, пожалуй, теперь знаю один лишь я, останутся только битые ящики и выпотрошенные цинки? Это произойдет, конечно, не завтра, и не послезавтра, и даже не в течение года. Тут я призадумался. Хотя кто его знает? Учитывая резко возрастающее количество разнообразной нечисти и соответственно возросший расход боеприпасов...

Мысль мою прервал скрежет за бортом. Огромный стальной щит слегка чиркнул по кирпичной стене и стал медленно отползать внутрь. Мне следовало ехать за ним, чтобы в нужный момент быстро рвануть внутрь. Проход не должен оставаться открытым ни одной лишней минуты. Кто знает, может бестии сидят где-то поблизости и только этого и ждут.

Я как в воду глядел. Не успела морда моего БТРа сунуться в проем ворот, как со стены ударили пулеметные очереди.

– Кентавры! – завопил Пашка, кубарем скатившись вниз.

– Чего орешь?! Разворачивай башню! – гаркнул я.

– Ага... я сейчас, – пацан пулей кинулся выполнять мой приказ.

Я оказался в идиотском положении: поле боя не вижу, стрелять не могу, маневрировать тоже. Все, что мне оставалось, так это медленно следовать за по-черепашьи отползающей железной створкой. А почему только следовать? Ведь «Камаз» уже сняли с тормоза, и колодки из-под колес тоже выдернули. Значит, теперь и я могу подсобить. Сказано-сделано. Я поддал газку, и бронетранспортер гулко ударил мордой в металл ворот.

Именно в этот момент и заработал башенный КПВТ. Пашка стрелял длинными очередями, абсолютно не экономя патроны. Это было глупо и расточительно. Незачем угощать каждого кентавра несколькими пулями калибра 14,5, когда и одна-единственная разрывала того на куски. Объяснить это мальчишке я не имел ни малейшей возможности, поэтому приходилось

тупо толкать ворота и ждать, когда закончится лента. Перезаряжать пулемет Пашка вряд ли умеет, так что...

КПВТ действительно замолчал, но пацан даже не подумал париться над перезарядкой. Он тут же продолжил огонь из спаренного с ним пулемета Калашникова. Мощь, естественно, не та, но зато в ленте двести пятьдесят патронов. Должно хватить для прикрытия нашего въезда в лагерь, тем более, что осталось совсем немного. Справа и слева от щита уже открылись широкие просветы. Сейчас они метра по три, но я решил, что не стоит дожидаться, пока стальная заслонка отползет на положенные ей десять. Дал задний ход, и, откатившись от щита на пару метров, вновь рванулся вперед и вправо. За стеной справа – свободная площадка. Ее оставили специально для въезда техники, то бишь для меня, так как последние полгода других транспортных средств в округе не объявлялось.

В открывшийся проезд я буквально втиснулся, ревя мотором, пробуксовывая колесами, обдирая краску с бортов. Наверняка я слегка раскрошил кладку и покорежил край щита, но, думаю, Крайчек меня поймет и простит.

Оказавшись внутри, я вдавил сигнал и сквозь разбегающуюся толпу описал небольшой круг. Расчет был таков, чтобы в конце разворота моя «восьмидесятка» столкнулась нос к носу с «Камазом». Так оно и вышло. Уткнувшись мордой в кабину самосвала, я стал возвращать его на прежнее место.

Мне это уже практически удалось. Оставалось дожать каких-то полметра, когда в брешь просунулось туловище кентавра. Зверюга уперлась в щит всеми своими лапами, подключила к делу мощный хвост и попыталась помешать мне. Ага, тупая скотина, как бы ни так! Не тот случай! Я с неописуемым наслаждением надавил на газ, и стальной поршень вошел внутрь каменного цилиндра. Край щита сработал как нож, разрезая кентавра пополам. Внутри периметра осталась верхняя часть туловища с головой и двумя растущими прямо из-под нее лапами. Всю остальную шестиногую, похожую на огромную ящерицу тушу я словно ковшом вышвырнул наружу.

Фух, кажись все! – вздох облегчения вырвался из моей груди. Несколько секунд я просто сидел и отрешенно глядел на маячившую за бронестеклом облезшую оранжевую кабину старого самосвала.

Глава 2.

Томас Крайчек ждал, облокотившись о броню. Мы столкнулись взглядами, как только я высунулся из боковой двери БТРа.

– Здорово, шпион, – я устало махнул рукой.

– Привет, полковник, – Крайчек ответил мне таким же вялым взмахом. – А у нас тут видишь что твориться?

С первого взгляда я заметил, что Томас изменился. Как-то сдал, осунулся, посерел что ли, на лбу проступили первые морщины. Даже голос его стал скрипучим как у старика.

– Вижу, – я прыгнул на землю и тут же протянул ему руку. – И до Одинцово докатилось. Я ведь тебя предупреждал, что так оно и будет.

Мы обменялись рукопожатием во время которого Томас тяжело вздохнул. Он как бы говорил мне: «Тут уж ничего не поделаешь. Все идет, как идет, а мы делаем, что можем».

– Люди все целы? – я огляделся по сторонам. – Эти твари никого не задрали?

– Как у вас говорят, «бог миловал», – Крайчек улыбнулся первый раз за все время нашего разговора. – Вижу, ты стрелком обзавелся. Что, надоело кучевать в одиночку?

– Кучевать, – поправил я его и тут же отрицательно покачал головой. – Не угадал. Это я твоих к родному дому подкинул. Видишь, оказались друг другу полезными.

Тут я побарабанил кулаком по броне и громко прокричал:

– Эй, молодежь, где вы там? Заснули что ли?

В ответ внутри бронемшины послышалось гроыхание железа и звук ссыпавшихся в ведро патронов. Когда все стихло, на свет показалась Пашкина русоволосая голова, которая виновато проинформировала:

– Я Лизке патроны помогал искать.– Пацан заметил начальника лагеря. Его глаза вспыхнули живым восторженным огнем, который как нельзя лучше проиллюстрировал доклад юного разведчика: – Товарищ командир, а вы видели, как я их из пулемета сделал? Штук десять положил!

– Товарищ командир, ты видел? – пришла моя очередь улыбнуться. Никогда не слышал, чтобы Крайчека кто-нибудь называл «товарищ командир».

Тут мне вспомнилась наша первая встреча. С того дня прошло... А сколько же прошло? Наверняка года три, да еще и с гаком. Шумная, бурлящая жизнью Москва. Праздничный вечер, посвященный Дню 8 Марта. Сейчас уж и не вспомню в каком доме культуры мы гуляли, то ли на Петровке, то ли в «Молодежном». Жене подарили приглашения, и мы поехали. Я вообще не любитель таких мероприятий, тем более на выезде, но надо же было хоть раз в году сделать ей приятное.

На вечере кто-то из приятелей жены и познакомил нас с обаятельным американцем Томасом Крайчеком, дипломатом, каким-то там советником в посольстве США. Этаким был красавчик, лощенный, подтянутый, как бы символизирующий собой все преимущества западного образа жизни. Помню, у него на руках висело сразу две девки, которые, я так понимаю, страстно желали к этому самому образу приобщиться, возможно даже этой же ночью.

Погуляли мы в тот вечер хорошенько. Водку Крайчек пил, что значительно поспособствовало нашему быстрому переходу на «ты». Разошлись мы в числе последних посетителей праздничного мероприятия, пообещав друг другу что как-нибудь обязательно созвонимся и встретимся.

Недели через две он действительно позвонил. Пригласил нас с женой и сыном на загородный пикник с шашлыками. Что ж, времена холодной войны и непримиримого противостояния двух сверхдержав давно прошли, поэтому я не имел ничего против. Там, в Красносельском лесничестве и состоялся наш разговор по душам. Крайчек предложил мне шестьдесят тысяч вечно зеленых американских долларов за кое-какую информацию о нашей бригаде. Мне как зампотеху ничего не стоило ее раздобыть. Ну, я как положено поломался чуток, а потом и согласился. Ведь как не противно это осознавать, но деньги в современном буржуазном мире – основная цель и стремление каждого. Без них, проклятых, никуда.

Как сейчас помню, передавал я ему эту информацию в красной картонной папочке, на которой в уголке стоял штамп «СЕКРЕТНО». Эту папочку, естественно, вместе со всем ее содержимым мне вручили в особом отделе нашей бригады два сотрудника ФСБ. Вручили и проинструктировали о моих дальнейших действиях как ценного дезинформатора, которому предстояло стать частью американской шпионской сети. Кстати, одним из первых пунктов в этом инструктаже значился – немедленно сдать полученные от врага денежные средства куда положено. Это я, так понимаю, они на кровно заработанные непосильным трудом мои шестьдесят тысяч USD намекали.

Само собой, я как дисциплинированный, добропорядочный россиянин и сдал... полтинник. С честными глазами доложил, что проклятые янки зажали десятку. Получу, мол, только после проверки сведений. С логикой тут откровенно говоря не очень-то... Но с другой стороны, кто их разберет, эти шпионские выкрутасы, тем более рожденные извращенным американским умом? Что же касается Крайчека, то он расписки с меня не брал. Все только на словах. Так какого черта стесняться! Мне, вон, сына учить надо было. Он у меня совсем не звезда по части наук. Так что в университет, пойдет на платный факультет. Плюс комнату в Москве сни-

мать придется. А то в общаге он и до второго курса не дотянет, либо сопьется, либо женится. Короче, сплошные расходы!

Как потом выяснилось, правильно сделал, что десятку прикарманил. Это были мои первые и последние доходы со шпионского бизнеса. Крайчек больше не объявлялся. Наверное, заподозрили они там чего... или утечка с нашей стороны была. Короче, дальше я жил обычной размеренной жизнью зампотеха Четвертой Отдельной танковой бригады. И жил я так до того самого момента, как все полетело в тартарары, до того, как на Землю пришли ханхи.

Новая встреча с Томасом Крайчком состоялась уже здесь, в Одинцово, в совершенно другом мире, где нет ни американцев, ни русских, ни китайцев, ни евреев, где есть только люди – редкий быстроисчезающий вид эндемиков этой опустошенной планеты.

– Ты, Павел, очень много патронов потратил, – голос Крайчека оторвал меня от воспоминаний. – Нельзя так. Эффективность должна быть.

Пашка сразу поник. Счастье на его лице сменилось гримасой испуга:

– Нам за все это придется платить?

– Конечно, придется, – я картинно нахмурил брови. – Твоя сестра уже нарвалась на штрафные работы, теперь и ты ей будешь помогать. Возьмешь в зипе резиновые перчатки, наберешь ведро воды и вымоешь от крови колеса. А то по моему следу целые толпы кентавров кинутся. Они запах крови за километр чувят. Да, и помни, что на колесах могла остаться выжимка из наездника. Смотри, не обожгись!

– Откуда кровь? – Крайчек пристально поглядел на колеса.

– Потом расскажу, – я глазами указал в сторону мальчугана и, отрицательно покачав головой, намекнул Томасу, что не хочу говорить об этом при детях.

Второй оболтус, только женского рода, как раз именно в этот момент вынырнул из двери БТРа. Лиза в сложенных лодочкой ладонях держала пригоршню патронов.

– Максим Григорьевич, их двадцать три. Настоящие снайперские! – девушка произнесла это с восторгом и одновременно с затаенным страхом. Вдруг часть ее находки злой дядя надует отобрать.

– Я же тебе сказал, что найдешь, то твое. А слова свои я назад не беру.

– Спасибо! Огромное вам спасибо! – девушка стала спешно рассовывать патроны по карманам.

– Лиза, вы что-нибудь нашли? – нашу беседу прервал сухой и властный голос начальника лагеря.

– Нет, пока нет. Нас преследовало какое-то животное, и... и... еще дядя Витя Сотников погиб.

– Плохо, – Крайчек сокрушенно покачал головой. – Но, тем не менее, завтра придется попробовать еще раз. Нам очень нужен этот склад. Так что заканчивайте тут с машиной и ступайте на ужин, а потом отдыхать. Завтра вам понадобятся силы. – Давая понять, что разговор окончен, Томас повернулся ко мне и спросил: – Ты надолго к нам? Сколько сможешь пробыть?

Я неопределенно пожал плечами:

– Спешных дел пока нет, так что воспользуюсь твоим гостеприимством денька так три-четыре.

– Это хорошо!

Томас кивнул и расплылся в улыбке. Такие улыбки я хорошо знал. Меня одаривали ими руководители практически всех поселений. Оно и понятно, ведь пока я гощу у них, оборона лагерей усиливалась мощной огневой единицей, да еще к тому же мобильной и бронированной.

– Вот и договорились.

Обернувшись к ребятам, я пожелал им успеха в труде, захватил автомат и вещмешок, закрыл бронированную дверь на висячий замок и вместе с Крайчком двинулся в глубь лагеря. Мимо нас пробежали люди с топорами и крючьями. Они спешили побыстрее вышвырнуть раз-

рубленное тело кентавра прочь за стену. В пищу оно было не пригодно, да и на удобрения не годилось. Кентавры порядком фонили. Складывалось впечатление, что они каждый день жрали стронций. И где они его только находили? Загадка, на которую пока никто не отыскал ответа.

Томас вел меня к себе. Когда я приезжал, мы всегда пару часов общались у него в кабинете. Чаще всего наедине, хотя иногда к нашей компании присоединялась Нина – его жена, русская жена. У Крайчека где-то там за океаном осталась семья, двое детей. Но это ведь там... далеко... почти что на другой планете. Добраться туда практически невозможно. Да и нужно ли пытаться? Существует ли сейчас она – эта великая Америка? Цел ли Вашингтон? Жива ли его семья? Столько вопросов, на которые нет, и, скорее всего, уже никогда не будет ответов. Так что Крайчеку оставалось лишь одно – начать жизнь заново, как говорится с чистого листа.

Резиденция начальника лагеря располагалась в небольшом трехэтажном здании, которое находилось практически в центре периметра. Раньше в подобных домишках обычно располагались школы или детские сады. Такие П-образные уютненькие особнячки под двухскатными крышами, со всех сторон окруженные сквериками, клумбами, лужайками и детскими площадками. Может и здесь все это когда-то было. Да не может, а точно было. Вот только мертвым все стало, пригодным разве что на дрова. И так бы это воспоминание о былой красоте и гнило, превращая окрестности в подобие старого заброшенного кладбища, не появись здесь Томас Крайчек со своими переселенцами. Они расчистили территорию, выкорчевали пни старых деревьев и попытались вернуть сожженной кислотными дождями земле ее бывшее плодородие.

– Ну, как у вас дела с регенерацией почвы? – я оглядел ровные ряды затянутых полиэтиленовой пленкой теплиц. – Есть уже какие-нибудь результаты?

– Идем, Макс, покажу, – Крайчек взял меня на буксир и перетянул на тропинку, которая вела к старым теплицам, тем самым, что я помогал строить полгода назад.

Еще на подходе сквозь исчерченный грязными белесыми разводами полиэтилен я разглядел небольшие зеленые пятнышки. Господи, зелень! Настоящая живая зелень! Я такого уже черт знает сколько не видел.

– Неужели получилось?

– Загляни внутрь, – Крайчек с гордостью откинул пластиковый полог.

Долго меня уговаривать не пришлось. Увидать живые растения, пусть даже самый последний и вредоносный бурьян, сейчас казалось настоящим чудом. Не теряя ни секунды, я нагнулся и проскользнул внутрь. На ровненьких ухоженных грядках и впрямь проклюнулись первые ростки. Высотой они были сантиметров пять и отбили всего по несколько круглых листочков. Я присел на корточки и осторожно, словно крошечного котенка, погладил молодую поросль.

– Что это? – продолжая касаться растений, я поднял глаза на Томаса.

– Капуста.

– Почему именно капуста?

– Из тех семян, что мы нашли, взошла только она. Может семена испортились, а может почва еще недостаточно очистилась. Оказалась пригодной только для капусты. Ваши фермеры говорят, что капуста не очень привередлива.

– А много уже земли очистили? – с надеждой в голосе поинтересовался я.

– Нет. Только эта теплица и еще две таких же. Процесс оказался довольно длинным и трудоемким. И мы бы не справились сами, не окажись тут профессора Дягилева.

– Да, упорный мужик, и дело свое знает.

Я вспомнил высокого сухощавого старика, который в памяти моей запечатлелся вечно ползающим на коленях, отмахивающимся от бьющегося на ветру пластикового полога. Он напоминал длинноногого богомола. И двигается точно также медленно и осторожно, но правда это только до того момента пока, в его ученую голову не приходила какая-нибудь очередная гениальная идея. Тогда богомол превращался в надоедливую муху, которая с завидной энер-

гией и напором начинала напрягать всех окружающих, требовать новых работников площадей и материалов.

Подумав о профессоре и его группе, меня вдруг посетила мысль, что Крайчек действительно выделяет недостаточно людей для такой важной работы. Ведь растения это не только пища и чистый воздух, это еще и символ возрождения. Лишь один их вид придает силы, вселяет веру в усталые отчаявшиеся человеческие существа.

– Томас, а сколько у тебя народу в лагере? – прежде чем что-либо советовать, я решил разжиться последними новостями.

– До вчерашнего дня было тысяча шестьсот двадцать семь человек. А вот сегодня уже стало на одного меньше.

– Добавилось. Все равно добавилось, – я одобрительно кивнул. – Ведь в прошлый мой приезд, дай бог памяти... вы не дотягивали и до полторы тысячи.

– Две недели назад здесь проживало тысяча семьсот десять, – при этих словах Крайчек помрачнел.

– Ушли или... – я поднялся на ноги и внимательно посмотрел ему в глаза.

– Или, – Томас отвел взгляд. – Об Одинцово идет хорошая молва. К нам люди приходят. Как-то пробираются, сам не пойму как. Но только мы их сбересть не можем.

– Что, опять был прорыв? – всполошился я.

– Прорыва не было. А вот караван наш, тот, что мы в Москву отправляли, не вернулся. Да и охотники с разведчиками все чаще и чаще пропадать стали.

– И ты не придумал ничего лучшего, как посылать наружу детей? – в моем голосе был не только укор, в нем слышался настоящий гнев.

– Это ты о Павле и Лизе? – Как мне показалось, Крайчек даже удивился моему вопросу. – Да они намного опытней и тренированней всех остальных. Они последние пять месяцев прожили в том мире, без колючей проволоки, стен, фонарей и пулеметов. И, кроме того, Павлу скоро шестнадцать, а сестре его уже девятнадцать. Не такие уж и дети.

– Четыре месяца, – поправил Томаса я.

– Что четыре месяца? – он непонимающе округлил глаза.

– Они четыре месяца по пустоши топали.

– А-а-а... – понимающе протянул Томас. – Значит, уже успели как следует познакомиться?

– Успели, – кивнул я. – Причем при крайне печальных обстоятельствах. – Я призадумался и как бы сам для себя добавил: – Зверья развелось уйма.

Тут Крайчек на меня испытывающе поглядел и произнес:

– Думаю, не хищники наша главная проблема.

– Это ты о чем? – я уловил отзвуки тайны, сквозящие в словах американца.

– Пойдем ко мне. Там намного удобнее. Сядем, поговорим, по рюмочке пропустим. У меня еще осталась та бутылка... Помнишь?

– Бережливый ты наш, – я проглотил слюну, вспоминая литровую бутылку «Смирнова», которую мы откупорили почти три месяца назад.

Пока мы шли, Крайчек рассказывал об Одинцовских новостях и достижениях. На одной из пригородных автозаправок удалось разжиться солярой. Наполнили и притащили целую автоцистерну. Так что с топливом пока порядок. Дизель-генератор получил запас горючки на несколько месяцев. Это значит, по ночам периметр будет освещен и призраки не подойдут близко. Еще в лагере родилось восемь младенцев. Тут я поздравил начальника. Восемь малышей это лучше, чем у соседей в Звенигороде, Истре и даже в гораздо большем лагере Красногорска. Томас благосклонно принял поздравления и похвастался еще одним успехом – удалось собрать новые более мощные фильтры для воды. Так что теперь ее можно пить даже без кипя-

чения. Правда тут же главный одинцовец оговорился, чтобы я не смел этого делать. Бережного, как говорится, бог бережет.

– Вот видишь, не смотря ни на что, жизнь продолжается, – произнес я, когда мы вошли в просторную комнату на втором этаже штаба.

Оглядевшись по сторонам, я не обнаружил в ней особых изменений. Стены с желтыми потеками и пятнами плесени у потолка. Старый, если даже не сказать древний, двухтумбовый письменный стол возле окна, на котором стояла закопченная керосиновая лампа и старомодный настольный прибор со встроенными часами и термометром. Рядом рабочее кресло. У стены дермантиновый под кожу диван. В центре комнаты стол заседаний – три ученические парты составленные паровозиком. Вокруг него с десятков разных по форме, стилю и мягкости стульев. Еще пару штрихов: это большой книжный шкаф, заваленный различными истрепавшимися справочниками, энциклопедиями и пособиями, а так же огромная потертая, кое-где прожженная политическая карта Советского Союза. Масштаб, естественно, не позволял разглядеть такие урбанистические мегаполисы как Одинцово и его окрестности, но зато вполне позволял сделать другое – оценить убогость оставшегося нам мира. Хотя и о нем мы знали крайне недостаточно. Вот Крайчек и занимался тем, что скрупулезно собирал, а затем отмечал на бумаге все те сведения, которые до нас кое-как доходили. В настоящий момент карта, вернее ее европейская часть, выглядела примерно следующим образом:

Основными сразу бросающимися в глаза отметками были большие, круглые, заштрихованные черной зebraй области. Это так называемые Проклятые земли. Что ханхи там творили, одному богу известно. Вернее не богу, а дьяволу, поскольку только нечистый мог ведать участь миллионов безвозвратно сгинувших там людей. Туда и сейчас соваться никто не решается, ну разве что такие придурки как я. Жизнь уцелевших людей протекает на сравнительно узких лоскутках земли, убого ютящихся меж Проклятых земель. Пустоши – так мы их называем. Наша пустошь, наш обрезанный со всех сторон мирок простирается от Твери до Тамбовской области. Похоже, дальше на северо-запад, в сторону Питера, Проклятых земель нет. Только вот все, кто туда уходил, так и не вернулись. Вместо них из Балтии пришли орды кентавров.

Чисто теоретически нам есть куда отступить перед их натиском. На юг, в сторону Воронежа. Дорога проходима. Это доказали беженцы из Харькова. Но вот только как долго может продолжаться это отступление? Не исключено, что на Украине мы попадем из огня да в полымя. Лиза ведь говорила о каком-то тумане, выгнавшем их из родных мест.

Раздумывая на всем этом, я ненадолго замер перед картой.

– Что-нибудь нового разузнал? – Крайчек поглядел на меня с надеждой.

– Так... по мелочам.

– Выкладывай, – Томас чуть ли не в припрыжку подбежал к письменному столу, вытянул из верхнего ящика несколько цветных карандашей.

Вот цирк-зоопарк получается! Гамнюк америкашка! Пригласил выпить, а теперь что творит! Да я сейчас, может, слюной захлебнусь. Но придется терпеть. Пока не удовлетворю его жажду к новостям, он о бутылке и не вспомнит.

– В Ступино повстречались мне два человечка, – начал я рассказ. – Они притопали туда издалека, аж из под Липецка. Так вот эти двое более или менее уточнили границу Проклятых земель на юго-востоке. Говорят, что смычка с Московским разломом находится в районе Саранска. Дальше граница проходит километрах в тридцати к югу от Моршанска, а потом...

– Погоди, погоди, – Томас принялся отмечать на карте те точки, о которых я говорил.

Я подождал, пока он не поставит на бумаге вторую метку и продолжил:

– Потом Проклятые земли накрывают практически весь Тамбов и уходят дальше на юг. Как далеко, мои информаторы не знают.

Крайчек выбрал черный карандаш и соединил все новые метки одной жирной дугой. После чего он отошел на шаг, чтобы оценить получившуюся картину.

– Выходит, что для обитания нам остается треугольник с вершинами Истра, Воронеж, Саранск.

– Да, примерно так. С севера разлом, с юго-запада и юго-востока две гигантские мертвые зоны.

– А наше Одинцово в одном из углов этого треугольника. Да еще в том самом углу, через который идут кентавры. Невесело. Очень даже невесело.

– Можно попробовать уйти. В Истре и Звенигороде к этому склоняются все больше и больше. Вглубь, вот сюда, на юг Рязанской области, – я ткнул пальцем в карту.

– Это ничего не решит, – Крайчек отрицательно покачал головой. – Во-первых, со временем кентавры доберутся и туда. Во-вторых, потеряем много людей при переходе. И, в-третьих, с чего мы там будем жить? Мы ведь держимся в основном только за счет запасов продовольствия, которые еще сохранились в крупных городах. А в том месте, о котором ты говоришь, городов мало. Их запасов надолго не хватит. Получится, что мы станем конкурировать с местными жителями. А это... – Крайчек тяжело вздохнул. – А это война.

– Да-а-а, только войны нам и не хватало, – согласился я.

– Значит, выход один – держаться. Укреплять лагерь, пытаться производить продукты самим, чтобы поменьше зависеть от остального мира.

– Весь вопрос успеем ли мы стать независимыми до того как сдохнем, – я не стал лукавить и сказал то, что думаю.

– Это одному богу известно, – Томас махнул рукой и предложил: – А пошло оно все, давай выпьем!

Ну, наконец-то, разродился! Готовность поддержать это предложение так явно отразилась на моем лице, что Крайчек улыбнулся. Он подошел к шкафу, отодвинул несколько пухлых томов и, засунув в образовавшееся отверстие руку, выудил оттуда на две третьих опорожненную бутылку «Смирнова». Две битых, но чистых эмалированных кружки отыскались в нижнем ящике стола. Там же обнаружилась и начатая пачка печенья. «Чайное» – гласила надпись на пестрой упаковке.

Только мы нацедили по пятьдесят грамм, как входная дверь заскрипела, одна из ее створок приоткрылась. Без стука к начальнику лагеря мог входить только один человек.

– Ниночка, приветствую вас! Прекрасно выглядите, – выпалил я еще до того, как вновь прибывший сделал шаг внутрь.

– Спасибо за комплимент, – женщина появилась на пороге.

При первом же взгляде на нее я прикусил язык. Да, это была Нина, только вот ее кругленькое миловидное личико выглядело совсем не таким, каким я его привык видеть. Волосы женщины были коротко острижены, лоб перетягивала белая, сделанная из порванной простыни повязка. Левые глаз и щека представляли собой один темно-фиолетовый кровоподтек.

Нина закрыла за собой дверь и усталой походкой двинулась к нам. Проходя мимо дивана, она небрежно, словно дамскую сумочку, бросила на него видавший виды Калашников.

– Ничего себе! – само собой вырвалось у меня. – Где это ты так приложилась?

– Там... снаружи, – Нина, не особо задумываясь о направлении, махнула рукой. Оно и верно. Тут куда не ткни, все равно не ошибешься, везде будет это самое «снаружи».

– Ты что, продолжаешь ее отпускать в рейды? – Этот вопрос я задал уже Томасу.

– Эмансипация, – тот бессильно развел руками. – Говорит, что у нее такие же права, как и других.

Ох, дурак ты Крайчек, – подумал я. Что значит «эмансипация»? Что значит «говорит»? Сказал «Не пойдешь!», стукнул кулаком по столу и точка. Ты ведь в конце концов не только муж, ты еще и командир, так пользуйся данной тебе властью. Нина ведь не простая крестьянка, каких в лагере пруд пруди, Нина биолог, ценный, особенно в нынешней ситуации, специалист. Таких беречь надо.

Женщина словно прочитала мои мысли и тут же поспешила поспорить:

– Между прочим я делом занимаюсь. Важным делом. От которого во многом зависят наши жизни и наше будущее.

Чисто теоретически она, конечно, права, – согласился я. Знать врага, его слабости, особенности, привычки и повадки всегда полезно. Вот только времени у нас на это нет. Стреляй во всех чужих без разбору. Вот то, что мы должны сейчас делать, вот то, что сейчас нас спасет.

Если я участвовал в разговоре Нины с Томасом только мысленно, то они, похоже, зацепили свою «любимую» тему и начали обмениваться не только словами, но и эмоциями. Этого мне сейчас только и не доставало!

– Лучше расскажи, кто это тебе сделал такой «великолепный» макияж? – я опередил Крайчека, который уже открыл рот, готовясь ответить на возмущенную реплику жены.

– Попали в ловушку, подстроенную кентаврами, – Нина силой воли усмирила свой гнев.

– Чего?! – не поверил своим ушам я. Два понятия «кентавры» и «ловушка» не соединились в моем мозгу воедино, как я ни старался. Кентавры это словно наводнение, словно нашествие саранчи. Мощь, напор, злоба, но полное отсутствие осознанных действий.

– Вот об этом, Максим, я и хотел с тобой поговорить, – нитью беседы завладел Крайчек.

– Полагаю, тут без сто грамм не разобраться, – я покосился на давно налитые кружки.

– Потом, – отмахнулся Томас. – Чтобы разобраться, понадобится чистая голова.

– Вот мы ее и продезинфицируем.

Тут я понял, что американская сторона так и не вкурила биохимию российского мозга. Она наивно полагает, что горючее требуется только автомобилям. Нет, друг дорогой, для творческой мысли этил вещь незаменимая. Проверено десятками поколений. Вы думаете, почему мы раньше вас самолет изобрели и в космос слетали? Правильно, потому что в трезвом состоянии такое и в голову никому не придет.

Пока Томас растерянно клипал глазами, я подцепил свою кружку и одним махом опрокинул ее себе в рот. Вкус и аромат отечества разлился по горлу, и я даже не стал его портить хрустящей приправой под названием печенье «Чайное».

– Вот теперь можете выкладывать, что у вас там... – я присел на краешек письменного стола и сложил руки на груди.

– Алкоголик, – став свидетелем той поспешности, с которой я проглотил огненную жидкость, сделала вывод Нина.

– Старый солдат, – поправил ее я.

Очевидно, приобщиться к доблестному полку русских воинов захотелось и Крайчеку. Он тоже потянулся за своей кружкой. Под испепеляющим взглядом жены начальник лагеря сделал один большой глоток.

– Нин, ты не волнуйся, – решил заступиться за товарища я. – С тех трехсот грамм, что оставались в бутылке, мы все равно не уьемся.

Томас сразу сообразил, что я намекаю на продолжение банкета, и мужественно отставил бутылку в сторону.

– Это для следующей встречи, – заявил он.

– Ну, если вы где-то смысленных кентавров откопали, то она может и не состояться, – невесело пошутил я.

– Я так полагаю, что смысленными они станут одновременно и повсюду, – задумчиво произнесла Нина, а, натолкнувшись на мой вопросительный взгляд, уточнила: – Они, Максим, эволюционируют, причем довольно быстро. Год назад, когда мы их повстречали впервые, кентавры сразу кидались в атаку и неважно, пусть их даже ждали укрепления и пулеметы. Но сейчас все изменилось. К лагерю они подкрадываются скрытно и нападают лишь когда обнаружат слабинку. Вот, например, твой сегодняшний въезд. Я даже не сомневаюсь, что кентавры вели

бронетранспортер издалека. Они сообразили, что когда ты будешь въезжать внутрь, ворота останутся открытыми достаточно долго.

– Нина, а ты случайно не драматизируешь ситуацию? – я снисходительно улыбнулся. – Собак тоже приучают не гадить на ковер, но это никогда не именовалось эволюцией.

– Перехожу к другим фактам, – не сдалась Нина. – Они начали разводить огонь.

– Огонь, это серьезно, – присвистнул я.

– И не просто разводить огонь, – казалось, женщина решила меня окончательно доконавать, – кентавры начали готовить на нем пищу. На северной окраине города мы натолкнулись на их стоянку. – Тут Нина поехала как от холода. – Там они зажарили и съели двух людей.

Вот тут меня по-настоящему проняло. В и без того уже длинном списке под заголовком «Как оригинально расстаться с жизнью» появился новый пункт – быть зажаренным на костре. И самое пренеприятное в этом было то, что коммивояжер вроде меня, проводящий в дороге большую часть своей жизни, шансов на него имел как никто другой. Тут я попытался себя успокоить. Кентавры ведь пока к БТРу не лезли. Видать понимали, что этот огромный рычащий зверь им не по зубам, оттого и побаивались. Но даже если бы тварям и удалось подобраться близко, что с того? Голыми лапами броню не возьмешь. А если не голыми?

Вместе с этим вопросом в мозг забрался маленький червячок сомнения. Нина говорила о каких-то ловушках. А не могут ли они быть опасны и для боевой машины?

– Ты так и не рассказала, что с тобой приключилось? – напомнил я первой леди Одинцово.

Женщина догадалась, в каком контексте меня интересовала эта история и не стала делать длинного вступления:

– Попалась как дура. Прозаическая волчья яма. И как я ее не разглядела?! Главное, видела же, что что-то не так. Недавно еще стоял сарайчик, целехонький такой. И вдруг рухнул. Да так рухнул, что только узенький проход и остался. И другого пути нет.

– И как же уцелела?

– Разведчики подоспели. Девчонка тут одна объявилась, снайпер. Она всех зверей, что на меня кинулись, и положила. А ребята в это время меня откапывали.

Услышав о снайпере, я вопросительно поглядел на Крайчека, мол, что... Лиза постаралась? Тот понял и кивнул. И был этот кивок полон гордости, как у футбольного тренера, подписавшего контракт с молодой восходящей звездой.

На нашу пантомиму Нина не обратила особого внимания. Ее, похоже, уже захватил лекторский азарт, тем более, когда имелся, по крайней мере, один слушатель, для которого ее открытия в кентавроведении это новость, абсолютная новость.

– Кстати, Максим, ты знаешь, что человеку для того, чтобы добыть огонь или научиться строить первые примитивные ловушки понадобились сотни тысяч лет эволюции. А кентавры сделали это чуть больше, чем за год.

Нина стала ходить перед нами взад и вперед, от чего я почувствовал себя учащимся средней школы на уроке по зоологии. Правда, в отличие от школьника я мог перебивать учителя и задавать ему вопросы, в том числе и самые дурацкие.

– Ты намекаешь, что они круче, чем мы?

Я спросил и тут же подумал, что вопрос действительно дурацкий. Как можно сравнивать нас, людей, и этих многоногих лупатых ящериц? Однако, ответ Нины выглядел еще более безумным:

– Круче не они, круче переданные им технологии.

Секунд пять-десять я пытался понять какой-такой бред только что услышал. Так и не понял. Какие технологии? Кому переданные? Третий по счету вопрос, который возник в моей голове, был: Что за дрянью напоил меня Крайчек? Правда, мы пили ее и в прошлый мой приезд. А я что-то не слыхал, чтобы водка могла скиснуть.

– Ты не ослышался, – Нина поняла мое недоумение. Она тут же перевела взгляд на мужа и попросила: – Том, покажи ему.

Крайчек тяжело вздохнул, вытянул из кармана ключ и отпер вторую тумбу письменного стола. Я хорошо знал, что начальник лагеря использует это место как сейф. Естественно, никаких особых секретов там быть не могло, но все же человека не переделаешь. Списки, планы, личные записи и архивы он все равно норовит упрятать под замок.

Именно из этого хранилища одинцовских «секретов» Томас и добыл небольшую картонную коробку. Она была чуток поменьше обувной, наверняка от какого-то бытового прибора. Может от ТВ-тюнера или настольных часов. Крайчек поставил коробку на стол рядом со мной и кивнул в ее сторону:

– Загляни внутрь, Макс.

Долго уговаривать меня не пришлось. Я тут же протянул руку и сорвал слегка примятую крышку. В первый момент показалось, что внутри лежат женские украшения. Штук пять одинаковых размером с ладонь брошек с какими-то мутными полудрагоценными камнями темно-синего и гранатово-красного цвета. Чтобы получше разглядеть эти штуковины, я осторожно взял одну из них и стал вертеть в руках. Странные брошки. Основа из белого металла. Неправильный треугольник с закругленными концами. Камешки лежали по периметру и прямо из них выходили тоненькие серебристые нити, которые сходились в самом центре у небольшого сферического уплотнения. Цветные кристаллы со вживленными в них металлическими усиками мне что-то смутно напомнили. Что-то до боли знакомое, виденное сотни раз. И это... это... Ну, конечно же... это светодиоды!

Осознав это, я удивленно посмотрел сперва на Нину, а затем на Томаса:

– Где вы это откопали?

– Такие штуковины вшиты в голову каждого кентавра, – Крайчек полез в коробку и добыл оттуда еще одну пластинку. – Когда мы их извлекали, кристаллы светились и продолжали светиться еще минут пять. Правда, все слабее и слабее, как будто в них иссякала энергия.

– Так, погодите, – я сжал виски ладонями и попытался сосредоточиться. – Вы считаете, что при помощи этих пластин кентавры... Что? Думают? Обучаются? Развиваются?

– Похоже, понятие «развиваются» здесь подходит лучше всего, – согласилась Нина.

– Мы на сто процентов не можем быть уверены, что трансформация кентавров идет под воздействием этих устройств, – возразил жене Томас. – Возможно кентавры по самой своей природе такие... перспективные, что ли. А эти приборы могут быть датчиками или маяками, или еще чем-нибудь подобным. Пока совершенно ясно лишь одно – кентавры это не паразиты, от которых ханхи вычищали свои корабли. Кентавров специально оставили на Земле.

– Для чего? – изумился я.

– Пока не понятно, – продолжила за мужа Нина. – Единственное, что можно сказать совершенно точно, что они теперь наши главные конкуренты. – Биолог нахмурилась. – Мне даже кажется вопрос следует поставить гораздо жестче. Или мы, или они.

Только Нина произнесла эти слова, как воздух завибрировал от пронзительного воя сирены.

– Слушайте! – требуя внимания, Крайчек поднял указательный палец.

Сирена выла всего секунд десять, а затем резко заглохла.

– Короткая, – вздохнула с облегчением Нина.

– Слава богу, – согласился с ней Томас. – Это не атака, это ветер с Проклятых земель.

– Тут у тебя как? Надежно? – я оценивающе покосился на законопаченные тряпками щели в оконной раме.

– Ни в чем нельзя быть уверенным. Так что либо одеваем противогазы, либо спускаемся в убежище.

– В убежище, – высказала свое мнение Нина.

– В убежище.

Я поддержал женщину, поскольку жуть как не любил надевать свой противогаз. Это, наверное, потому, что раздобыл я его совсем не на складе, а снял с головы трупца, который, судя по его внешнему виду, преставился дней так пять тому назад. Естественно, маску я потом мыл, и не однократно. Даже полбутылки «Русского леса» на нее не пожалел. Но только вот память от той вони, о том распухшем лице преследовала меня и по сей день.

Убежище в Одинцово являлось одновременно санчастью, столовой и продовольственным складом, что было вполне резонно. Люди да скудные запасы провизии это как раз то, что следовало беречь пуще всего. Не удивительно, что для вышеперечисленных целей выбрали вместительное сооружение, которое находилось внутри периметра, подальше от стен. Лучше что нашлось, это какой-то заброшенный спортивный зал, пристроенный к торцу панельной четырнадцатизэтажки. Зал был невелик, и не мог вместить все население лагеря. Именно поэтому поселенцам пришлось также задействовать подвалы и первый этаж жилого дома.

Строители убежища в начале пошли по накатанному пути: окна и двери заложили кирпичом и заштукатурили. Однако такая защита показалась людям недостаточной, и на общем собрании было принято решение навалить на стены земляной вал. Слава богу делать это пришлось не вручную. На близлежащей стройке обнаружился бульдозер. Он то и сделал почти всю работу, укоротив четырнадцатизэтажное здание на один этаж, который вместе со спортзалом утонул в глубине рукотворного холма. Машина и сейчас стояла невдалеке от дома. Правда, больше она не могла быть полезной людям. Сломалась в самом конце работ, а запчастей, естественно, взять было негде. Вот и застыл гусеничный «Катерпиллар» как монумент во славу борцов за лучшее будущее этого мира.

Оторвав взгляд от бульдозера, я поглядел на небо. Вроде чистое. Смертоносных туч пока не видно. Наблюдатели Крайчека, несущие службу на крышах, должно быть заметили их изда- лека и заранее подали сигнал. Молодцы! В убежище заблаговременно придут все кому поло- жено, все, у кого нет противогазов. Эх, жаль, до складов химзащиты я пока добраться не могу, а то бы мы живо решили эту проблему.

– Поторапливайтесь, друзья, поторапливайтесь!

Томас стоял рядом и как регулировщик руководил жиденьким людским потоком, теку- щим к массивным грубо, но зато надежно сваренным дверям. Бункер имел еще два входа. Тот, возле которого мы стояли, был самым широким, удобным и нестесненным тисками шлюзо- вых камер. Именно поэтому женщины с детьми и люди преклонного возраста предпочитали именно его.

– Пошли, – я толкнул Крайчека в бок. – Народ и без тебя знает куда идти.

– Ничего ты не понимаешь, – шикнул он на меня. – Люли должны видеть, что их лидер с ними, что он болеет и заботится о них.

– Это тебя в Лэндли научили или своим умом дошел?

– Я бы сказал процесс был ком-би-ни-ро-ванным, – американец по слогам произнес слож- ное слово.

– Вон оно как, – протянул я и перевел взгляд на приближающуюся Нину. Та подотстала, так как заглянула в их с Томасом комнату. Предвидя длительную отсидку под землей, биолог захотела полистать кое-какие свои записи.

– А вот и я. Теперь можно идти. – Нина наивно предположила, что мы ожидали именно ее.

– Да, пожалуй, – Крайчек поверх головы жены поглядел на последних, слегка припод- нившихся колонистов, уже почти поравнявшихся с нами.

Как только Нина, пожилая женщина с маленьким мальчиком, должно быть внуком, и молодая семейная пара юркнули внутрь, Томас взял в руку кусок водопроводной трубы, кото-

рый был приставлен к дверному косяку, и несколько раз ударил по подвешенному рядом обрезку швеллера. Три гулких удара разнеслись по опустевшему лагерю. Это был сигнал означавший, что главные ворота убежища закрываются. Теперь если кто-либо пожелает попасть внутрь, то сделать это он сможет только лишь через две узкие резервные ходы оборудованные примитивными шлюзовыми камерами. Оба они располагались с другой стороны здания. Один вел к мастерским, второй глядел прямо на недостроенные Южные ворота.

– Вот теперь действительно все, – Крайчек захлопнул толстую металлическую дверь и с силой потянул ручку на себя. Когда створка основательно вдавилась в резиновый уплотнитель, Томас задвинул засов.

Внутри горела тусклая электролампочка, пахло плесенью, человеческим потом, дымом и подгоревшей кашей. Еще несколько лет назад вся эта экстремальная экзотика у любого нормального человека вызвала бы чувство неприязни, если не отвращения. Но теперь... теперь все изменилось. И этот прогорклый подземный мир превратился в оазис жизни и безопасности, стал тем, что мы с теплотой именуем домом.

Когда-то в этом здании все было по-другому. Я не знал как, так как люди Крайчека перестроили его без моего участия. То, что увидел я, первый раз попав сюда, были неоштукатуренные, но довольно умело сложенные толстые перестенки. Кстати они и нынче точно такие же, грубые и прочные, красуются мозаикой из, как минимум, четырех типов кирпичей. Стены делят бывший спорткомплекс на три части: тамбур, где мы сейчас и находились, кухню и большой обеденный зал. Другие жилые и подсобные помещения, включая санчасть, кладовые, емкости для воды, находились в здании примыкающей четырнадцатietàжки. Пройти туда можно было через два прохода, пробитые в стене.

Еще из коридора я услышал монотонный гул множества голосов и звон металлической посуды. Оно и понятно, сейчас в убежище собралось почти все местное население за исключением, пожалуй, лишь тех немногочисленных часовых, которые в противогазах и ОЗК остались нести вахту на стенах.

Тревога по времени совпала с ужином. Появление ядовитых облаков это бесспорно опасность, но только не для тех, кто оказался под защитой толстых стен и земляной насыпи. Люди знали это и не испытывали страха. Они спокойно поглощали свои скудные пайки, переговаривались друг с другом, делились новостями, слухами и личными, чаще всего не очень веселыми мыслями.

Все так и было. Ступив на порог общего зала, я окунулся в плотное облако тяжелого спертого воздуха, увидел желтый свет десятка электрических лампочек, ряды составленных друг с другом столов, за которыми сидело, по меньшей мере, три сотни человек. Места в зале всем не хватало, поэтому ели в несколько смен. Кто не хотел ждать, тот забирал свою порцию, уходил в одну из комнат внутри четырнадцатietàжки и жевал там, сидя на матрасах или грубо сколоченных нарах. Крайчек сперва был против такой практики. Настаивал чтобы все питались в строго отведенном для этого месте, чтобы не оставляли крошки и жирные пятна, которые вполне вероятно привлекут мелких инопланетных паразитов. Однако вскоре стало понятно, что у голодных истощенных людей ни одна крошка, ни одна капля не упадет на пол. Они вылизывали миски так, что те даже не приходилось мыть.

Стоило лишь подумать о горячей пище, как в животе у меня протяжно заурчало. Должно быть громко заурчало, так как стоящая рядом Нина услышала, поглядела на меня и улыбнулась:

– Доставай свою миску, Максим. Сегодня на ужин ячневая каша с мясом.

– С мясом? – не поверил своим ушам я.

– Охотники постарались.

– А-а-а... – с пониманием протянул я и тут же полез в вещмешок за котелком.

Возле раздаточного окна как раз никого не было, поэтому нам не пришлось стоять в очереди. Улыбчивая пожилая женщина в белой ситцевой косынке и цветастом клеенчатом фар-

туке положила нам по черпаку серой, заправленной комбижиром каши и кинула сверху по куску вареного мяса. Глядя на него, меня поразило две вещи. Во-первых, размер куска – грамм двести. С чего вдруг такая щедрость? А во-вторых, его цвет. Мясо было розоватое, даже с каким-то фиолетовым оттенком, как будто его приправили раствором марганцовки.

– Идемте, наш стол свободен.

Томас указал на четыре ученические парты, которые стояли в ближнем ко входу углу, чуток особняком от всех остальных. Обычно именно за ними принимало пищу руководство лагеря. И это совсем не потому, что отцы-основатели хотели как-то выделиться. Просто именно в такие короткие минуты отдыха они имели возможность посоветоваться, а некоторые темы вовсе не предназначались для посторонних ушей.

Однако сейчас серьезных дебатов не предвиделось. За командирским столом сидело всего два человека. Я знал их обоих. Это были инженер Ковалев и ответственный за подготовку групп, работающих вне лагеря, майор Нестеров – старый одинцовский милиционер, родившийся и выросший в этом городке.

Назвав Нестерова милиционером, я почему-то вспомнил, что за несколько лет до войны после длительных и жарких дебатов, милицию все же переименовали в полицию. Но только вот это название все никак не хотело приживаться. Действительно, какой же русский, в прошлом советский человек назовет мента полицейским? Смешно! Мент он для нас всегда и останется ментом. И это даже не профессия, это диагноз.

Наше появление собеседники заметили уже давно и теперь призывно махали руками. Не думаю, что эти двое соскучились по своему командиру. Скорее хотели заполучить меня – человека, который кочует от поселения к поселению и перевозит не только оружие и боеприпасы, но и последние новости. По первым словам Нестерова я понял, что не ошибся.

– Привет, полковник. Как дела? Что нового творится в мире?

– Здорово, мужики, – я поочередно пожал две протянутые мне руки. – В мире все по-старому, все на букву «Х».

– И что, ни одной хорошей новости? – поинтересовался майор.

– Почему же, одна имеется, – я поставил крышку от котелка на стол и уселся между ним и Крайчком. – Я тут на подъезде к Кутузовскому навозного льва завалил, и не одного, а со всем выводком. Так что с вас, как говорится, причитается.

– Блин, а я то думал, что за фигня там творится? – развел руками Нестеров. – Не возвращаются люди с Минского шоссе, хоть ты тресни. Две группы за неделю потерял.

– Неужто ты сам его грохнул? – удивленно поглядел на меня сидевший напротив Ковалев.

– Повезло, – я не стал хвастаться. – Просто повезло.

– Ты больше из БТРа не выходи, – почти приказал мне Томас. – Нам тут всем без тебя придется очень и очень плохо.

– Да я как-то и сам не спешу на тот свет, – я кисло улыбнулся.

– Э, ну вы чего? Заговорили человека! – спохватилась Нина. – Поесть не даете. Ты ешь, Максим Григорьевич, ешь, пока горячее.

– Угу.

Я набрал полную ложку каши и сунул в рот. Хорошо! Вкус оседлой жизни. Не то, что те концентраты, которыми по большей части доводится питаться мне. Перед тем, как откусить кусок мяса, я его долго изучал. Все же странное оно какое-то.

– Все нормально, Максим, – улыбнулась женщина, уловив мою неуверенность. – Можешь глотать спокойно. Мы тут его уже третий день едим. И ничего... пока все живы и здоровы.

– Третий день? – изумился я. – Кого же это вы подстрелили? Не иначе слон прибудился?

– Нет, – улыбнулась Нина, – это черви. Здоровенные такие, размером с телеграфный столб. Выползли из-под земли тут неподалеку, у озера. Как будто специально к нам на сковородку спешили.

– Черви? – мне жуть как не хотелось обижать хозяйку дома, но я не сдержался и скривился от гадливости. – Цирк-зоопарк, выходит, это мы червяков лопаем, да еще и не наших, не земных!

– Не паникуй, – женщина успокаивающе похлопала меня по руке – Эти животные только по своему внешнему виду напоминают наших червей. Внутреннее строение у них более сложное, как у земноводных, ну и мышечная ткань соответственно... мясо то есть. Так что можешь представить, что жуешь лягушку – французский деликатес, между прочим.

подавая пример, Нина впила зубами в свою порцию, откусила большой кусок и стала его старательно пережевывать.

– Животный белок нам позарез нужен, – произнесла она с полным ртом. – А это... это по вкусу на рыбу похоже, только потверже будет. Ты попробуй.

– Посолить не забудь, – Ковалев подвинул ко мне солянку, сделанную из разрезанной пивной банки.

С деланным любопытством я откусил небольшой кусочек. Перемолов его челюстями, согласно кивнул:

– Точно, похоже на рыбу, – а про себя подумал: – Только слегка протухшую.

Но Нина права, организму белок просто необходим. Именно поэтому я проглотил первый кусок и тут же откусил второй. Наслаждаясь инопланетным «деликатесом», я старался не думать откуда он выполз и где гнезвился на кораблях ханхов. Не хотелось бы, чтобы это оказались какие-то солитеры, ползавшие в брюхах у пришельцев. Ведь вполне вероятно, что ханхи это исполинские существа. Их так никто и не видел, но судя по размерам кораблей... Звездолеты и впрямь были исполинскими, бесчисленные Эвересты в один «прекрасный» день опустившиеся на нашу планету. Возможно именно сейчас я непременно должен был вспомнить эту завораживающую картину, однако почему-то не получалось. На ум приходили лишь те горы дерьма, которые должны были производить огромные желудки. И все это небось рухнуло на нашу Землю-матушку. Вместе с червяками, львами и прочей нечистью, которую мы уже задолбались истреблять.

Рожа у меня от всех этих мыслей должно быть выглядела не очень счастливой. Полагаю именно поэтому Нина и предложила:

– Давай-ка я тебе чайку принесу. С ним лучше проходит. – Женщина протянула руку и взяла мою кружку. – У нас сегодня ромашковый. В одной аптеке раздобыли. Пакеты были полиэтиленовые герметичные, так что содержимое ничуть не пострадало.

– Прекрасно! – мигом согласился я. Ромашковый это как раз то, что мне сейчас и надо! Он ведь противовоспалительный и дезинфицирует, кажись, тоже.

Мою так сказать неуверенность по поводу подаваемого нынче блюда заметила пожалуй только лишь Нина. Мужикам было не до этого. Мужики думали совсем о другом. Когда женщина отошла, Нестеров наклонился ко мне и негромко спросил:

– Григорич, ты еще сколько продержишься? Я имею в виду, как долго сможешь снабжать нас патронами?

Услышав это вопрос, я сразу позабыл о происхождении содержимого своего котелка.

– Все зависит от того, как быстро вы их будете тратить.

– Ты не юли, – пристально поглядел на меня милиционер. – Понимаю, что не хочешь своих секретов выдавать... И все же сколько? Полгода? Год?

– Где-то так, – сдался я.

– А потом что?

– В Климовске патронный завод есть. Местные предлагают его восстановить. – Я приступил к еще одной части своей работы – ведению переговоров, посредничеству и координации действий между отдельными колониями.

– Завод это интересно! – оживился Крайчек.

– Завод это из области фантастики, – покачал головой молчавший до этого инженер Ковалев. – Потребуется сырье, кадры, море электроэнергии...

– Электроэнергия это до мэнэ, – за спиной послышался русско-украинский суржик, и тяжелая рука хлопнула меня по плечу. – Привет, хлопец, с приездом тебя.

– Привет, Микола!

Я встал и крепко пожал огромную пятерню бригадира электриков Николая Горобца. Большой добродушный человек. С ним всегда интересно и легко общаться. Николай был свято уверен, что неразрешимых проблем на свете не существует, по крайней мере, в технике. Горобец бесцеремонно втиснулся между мной и Крайчеком.

– А ну, подвинься, клятий американец. Дай мне з людиною побалакати.

Томас хмыкнул, но все же свой стул подвинул. Микола уселся, поставил на стол миску с кашей и, даже не притронувшись к ней, спросил:

– Ну, так шо ты там говорил?

– Климовские пытаются патронный завод запустить, но их там всего около четырехсот душ, это включая женщин, стариков и детей. Заводских человек десять. Так что без посторонней помощи они это дело не осилят.

– В Климовске какие патроны выпускали? – поинтересовался Нестеров.

– В основном всякую спецуху для нужд ФСБ и армейских спецподразделений. Ну и 7,62 образца сорок третьего года.

– А 5,45 для Калашникова?

– 5,45 в Туле делали. Это если говорить о ближних к нам заводах.

– Нету больше Тулы, – со вздохом напомнил Ковалев.

– А перестроить технологический процесс под патроны 5,45 возможно? – продолжил свою мысль майор.

– Не уверен, что сейчас это будет легко сделать.

Я понял куда клонит милиционер. Автоматов калибра 7,62 практически не осталось. В Одинцово их отыщется десятка два, не более. В основном люди вооружены малокалиберными АК-74. Примерно также обстояли дела и в других поселениях.

– Вот видишь, – невесело покачал головой Нестеров. – Спрашивается, на кой черт нам патроны, которые не подходят к имеющемуся оружию?

– И все же идея неплохая, – не согласился с майором Томас Крайчек. – Нам не следует жить только сегодняшним днем. Надо думать о будущем. Запустим завод, начнем производить калибр 7,62, а потом потихоньку можно начинать модернизацию.

– Я згодэн с Томасом! – подал голос Микола Горобец.

– Теоретически... – начал было Ковалев.

– Лично у меня Калашников 7,62, – Нина поставила на стол две кружки с дымящимся чаем, мою и свою.

– О, ця жинка знет шо говорит, – загоготал сочным басом Микола.

– Значит, я могу передать, что Одинцовцы в общем согласны? – обрадовался я, вспоминая что и мой АКМС с причмокиванием пожирает семимиллиметровые патроны образца 1943 года.

– Можешь, – принял решение Крайчек.

– Ох, боюсь, что все это напрасная трата времени и сил, – старый милиционер продолжал портить всем настроение. – Даже если к концу года завод и начнет выпускать патроны, то что это решит? Кто ими будет стрелять? Мы проигрываем. Нас становится все меньше и меньше.

После слов майора за столом повисла кладбищенская тишина. До каждого из присутствующих отчетливо дошло, что они схватились за идею Климовцев только лишь потому, что это соломинка, та самая соломинка, за которую цепляется утопающий. Для того чтобы выжить, людям потребуется что-то большее, гораздо большее, чем груды ящиков с боеприпасами.

Неожиданно где-то невдалеке послышались крики, грохот опрокидываемых стульев и шум ожесточенной потасовки. Все мы тут же оглянулись, а Крайчек даже вскочил на ноги. Долг командира велел ему немедленно прекратить творящееся безобразие.

Не успеет, – подумал я. – Морду кому-то начистят еще до того, как суровый и справедливый босс вмешается. И это даже не потому, что махалово началось через целых три ряда от нас. Моя уверенность базировалась на том, что я знал одного из дерущихся.

Пашка как молодой резвый бычок протаранил худощавого долговязого парня, опрокинул того на стол и с криками: «Получи, гад!» остервенело штемпелевал кулаком его физиономию. Хотя на вид долговязый и был значительно старше и сильнее моего давешнего знакомого, однако, ничего с ним поделывать не мог. Он лишь защищался. А в Пашку словно бес вселился. К ударам кулаков он подключил довольно профессиональные удары локтями в грудь и живот своего противника.

– Прекратить! Немедленно прекратить! – закричал Крайчек и ринулся к очагу беспорядка.

Крик командира словно пробудил стоявших вокруг людей, и те кинулись разнимать дерущихся. Когда Томас подбежал, Пашку уже оттянули в сторону, но он как волчонок рычал и вырывался, норовя еще хоть разок приложить своего врага. Заметьте не обидчика или соперника, а врага, именно врага. Им и ни кем иным был для мальчишки этот человек. И Пашка испытывал к нему не просто неприязнь, в его глазах горела жажда крови.

Правда кровь уже была. Она ручейками текла из разбитого носа жертвы Пашкиной агрессии. Парень пытался ее вытереть рукавом, но еще больше размазывал по всему лицу. Какая-то женщина сжалилась и протянула ему мятый клетчатый носовой платок.

– Так... Что тут происходит? – Крайчек гневно сверкнул глазами на Павла. Инцидент было сложно назвать дракой, скорее избиение. Причем без микроскопа было видно кто кого бил.

– Эта сволочь... – Пашка задыхался от гнева. – Он был вместе с дядей Витей... с Сотниковым. Он сбежал, бросил его. Поэтому дядя Витя и погиб.

Крайчек медленно перевел взгляд на парня с окровавленным лицом. Даже издали заметил, каким ледяным и беспощадным стал этот взгляд.

Дело принимало нехороший оборот. Это не разборки из-за девчонки или места в очереди за едой. Тут пахло настоящим тяжким преступлением, за которое могут и турнуть из лагеря. Это понял не только я, это поняли все сидевшие за командирским столом. Мы как по команде поднялись и двинулись к месту событий.

В это время парень начал говорить:

– Я... я ничего не мог поделать, – он хлипал разбитым носом. – Наездников было несколько. Они кинулись и на меня. Я отстреливался, пытался прикрыть Виктора Семеновича. Но тут из-за машины выпрыгнул еще один. Он накрыл Сотникова. Что я мог сделать? Стрелять по нему?

– А дальше? – Крайчек внимательно смотрел в лицо разведчика. Я видел, что он пытается понять врет тот или нет.

– Мне пришлось отступить и бежать через подъезд. Вы ведь знаете, наездники в узких помещениях не очень проворные.

– Да, знаю.

Томас протянул это задумчиво, чисто автоматически, так как переваривал услышанное. Неожиданно он обернулся и обратился ко мне:

– Максим Григорьевич, а ведь ты, кажется, там неподалеку был? Стрельбу случайно не слышал?

– Вроде, не слышал, – я пожал плечами. – Но мы ведь в БТРе сидели. Двигатель ревет, мы разговаривали, так что сам понимаешь, вполне могли что-нибудь и пропустить.

Я отвечал на вопрос Томаса, а сам не мог отделаться от ощущения, что в коротком рассказе напарника погибшего Сотникова что-то слегка не вяжется. Вот только что? Пытаясь понять это, я вспомнил тот далеко не самый приятный эпизод, когда колесами своей «восмездисятки» раздавил лежащего посреди дороги еще живого человека. Стоп! Вот оно! Сотников лежал посреди Можайского шоссе, и рядом с ним никаких автомашин не было и в помине. Выходит, он бежал, а наездник гнался за ним. Причем один наездник. Если бы их было двое, то пировали бы обе твари. Получается, никакого неожиданного нападения не было. А чего не было еще? Я перевел взгляд с молодого человека на валявшийся у его ног АК-74.

– Твой автомат? – спросил я у горе-разведчика.

– Мой, – тот угрюмо кивнул.

– Дай сюда, – я требовательно протянул руку. Черт побери, не мне же, старому полковнику гнуть спину.

Парень наклонился, одной рукой взялся за цевье и протянул мне оружие. Он, должно быть, решил, что я просто не доверяю ему и предлагаю подобру-поздорову разоружиться. Наивный. У старого, знающего свое дело, зама по вооружению на уме было совсем иное.

Я тут же отсоединил магазин, открыл крышку ствольной коробки, извлек возвратный механизм и вытянул затворную раму. Затем я заглянул в ствол. Ствол грязный, но нагару этому было уже так с неделю, а на нарезке уселись крошечные ржавые бисеринки – напоминание о тумане, погостившем внутри как минимум пару дней назад.

– Не стрелял ты, друг дорогой, из автомата, – я передал оружие Крайчеку. – И автомобилей возле трупа Сотникова я не видел. Так что получается ты все врешь. Струсил ты, вот и сбежал.

– У-у-у, хлопец, тогда ты попал, – начал выдвигаться из-за моей спины Микола Горобец.

– погоди, Николай, – остановил его Нестеров. – Так нельзя. Для этого правила существуют.

– О, менты о законе вспомнили! – вырвалось у Горобца.

– Хватит! – рявкнул на своих коллег Крайчек. – Сейчас еще только ваших сор не хватает. – Томас бросил автомат на стол. – Майор прав. Правила у нас действительно существуют. Без правил мы не люди, а животные. Так что и будем поступать согласно правилам.

Начальник лагеря повернулся к молодому человеку, у которого, насколько я мог заметить, дрожали колени.

– Ты, Сергей, пришел к нам с оружием?

Тот молча кивнул.

– Тогда забирай его и уходи. Сегодня уже поздно, ночь скоро. А завтра с утра собирайся и уходи.

– Куда же я... – начал было парень, но тут же осекся. Должно быть понял – прощения не будет. Он так и замер с поникшими плечами и низко опущенной головой.

– Все, инцидент исчерпан, – громко объявил Нестеров, а затем, обведя суровым взглядом собравшуюся вокруг толпу, добавил: – Кто тронет Сергея, сам отправится вслед за ним. Даю слово.

Клятва милиционера предназначалась всем присутствующим, но в особенности Пашке, который стоял напротив.

– Расходитесь и продолжайте ужин, – приказал Крайчек, и тут же громко, так, чтобы слышали стоящие рядом люди, обратился к Нестерову: – Завтра сам проследишь, чтобы он ушел.

– Сделаю, – пообещал милиционер.

Продолжение ужина оказалось основательно подпорчено. Инцидент оставил свой мерзкий отпечаток на всех без исключения. Мы сидели угрюмые и молчаливые, задумчиво уставившись в миски с едой. Каждый понимал, что шансы Сергея практически равны нулю. До

Подольска далеко, километров сорок пять, это если по прямой. До Красногорска и Звенигорода вдвое ближе, но идти придется через земли, по которым кочуют стада кентавров.

Подумав о кентаврах, я вдруг вспомнил то, о чем всего час назад поведала мне Нина. Кентавры теперь не просто пожирают людей, они их готовят. И от этой мысли мне сделалось совсем тошно. Сразу представился труп этого недотепы Сергея, дымящийся и обугленный, болтающийся на примитивном вертеле. Аппетит сразу пропал, и я отодвинул в сторону крышку от котелка со своей пайкой.

– Наелся? – Крайчек с подозрением глянул на меня.

– Что-то в горло не лезет, – пробубнил я, выждал несколько секунд, а затем поинтересовался: – А этот парень... Сергей, он давно у вас?

– Что, жалко стало? – вместо Томаса ответил майор Нестеров. – Жалеть тут никого нельзя. Время сейчас не то, чтобы жалеть. Дашь слабину одному, второму, тут и придет конец всему тому, что нам с таким трудом удалось построить. Людей сейчас никто не воспитывает, ничто не сдерживает, поэтому законы нашего поселения это и есть тот последний барьер, за которым наступит хаос, беспредел и анархия. А этот молокосос, он предал своего товарища. И тот погиб. Еще повезло, что погиб лишь один Сотников. Если бы Блюмер, к примеру, стоял на воротах и сдрейфил там, то мы бы все полегли, и стар, и млад.

– Да все я понимаю, майор! Что ты мне тут лекцию читаешь, – огрызнулся я. – Мне только удивительно одно: этот Сергей Блюмер... с первого взгляда видно, что он никакой не герой и не следопыт. Так какого рожна вы его в разведчики определили?

– Его идея была, как сейчас помню, – Нестеров ткнул пальцем в Крайчека.

Я слегка наклонился вперед и, выглянув из-за широкой груди Миколы Горобца, вопрошительно покосился на Томаса.

– Да, я так решил, – подтвердил начальник лагеря. – Блюмер, Сотников, Лиза и Павел Орловы... они пришли к нам все вместе, пришли из Харькова. Я тогда подумал, что если люди выжили в многомесячном смертельно опасном походе, значит они, как это говорится, везучие что ли. Значит лучше других приспособлены к условиям пустоши.

– И ты, доблестный наш милиционер, согласился с этим, – заступилась за мужа Нина.

– Согласился... – тяжело вздохнул Нестеров. – Хотя если честно, у меня сразу не лежала душа к этому мягкотелому интеллигенту.

– К Блюмеру?

– Ну да... к кому же еще. Ему бы у себя в институте проводки паять да кнопки нажимать. Так нет же, в разведку поперся, космонавт, блин, долбанный!

– Почему космонавт?

– Он в Харьковском Авиационном Институте работал или как там в последние годы эта богадельня именовалась... Академия что ли? Аспирант даже вроде.

Меня как-то сразу резанули слова Нестерова. Больно резанули. Сперва представился этот молодой человек в белом лабораторном халате с карандашом за ухом, колдующий над каким-то совершенным летательным аппаратом. А затем на смену этой картинке пришла другая: растерзанный труп, валяющийся в коричневой полуистлевшей траве. А над трупом пирующий лев. Он уже затянул часть тела себе в глотку и сейчас только и ждет, когда она раскиснет и размякнет. Тогда-то тварь и заглоти человека полностью.

За последние четверть часа это было уже второе видение, в котором я пророчил Сергею страшную мучительную смерть. Может хватит?! Ведь некоторые утверждают, что наши мысли материальны. А я, все же не хочу для этого парня такой судьбы, даже не смотря на всю тяжесть его проступка. Пытаясь отделаться от засевшего в мозгу кошмара, я затряс головой, причем так резво, что все это заметили.

– Ты чего? – поинтересовался Микола.

– Пытаюсь переварить все сказанное вами, – сознался я.

– И как, получается? – подал голос Ковалев.

– Мало нас, – серьезно заметил я.

– В каком смысле? – не понял майор.

– Я говорю, людей мало на Земле осталось. И так легко их гробить это непозволительная роскошь.

– Ах, вот ты о чем! – хищно осклабился Нестеров. – Только видишь ли, решение уже принято. Оставлять Блюмера в лагере мы не имеем права.

– А что, если я его с собой заберу? – я внимательно обвел взглядом лица сидевших за столом людей. – Выкину где-нибудь под Троицком. Оттуда до Подольска километров двадцать. Должен дотопать.

– Я же объявил, что он завтра уйдет, – засомневался Крайчек.

– Посадите его на пару-тройку дней под арест, чтобы глаза не мозолил, – придумал я.

– А как же воспитательный момент? – не унимался Нестеров. – Прилюдное изгнание преступника это отменный урок для всех остальных.

– А ты, батенька, оказывается садист, – покачала головой Нина.

– Скорее инквизитор, – парировал милиционер. – Всю ересь на костер, причем с искренней верой в правоту своего поступка.

– Если уж так необходимо, посажу его в БТР связанного и с кляпом во рту, – то ли в шутку, то ли всерьез предложил я. – Пусть народ думает, что я Сергея на тот свет конвоирую. А вы по этому поводу храните гордое молчание.

Некоторое время все действительно молчали, словно репетировали. Единственное, что позволили себе отцы-основатели, так это обмен быстрыми многозначительными взглядами.

– Ну как, годится? – я решил подтолкнуть их к верному решению.

– Я за, – первой согласилась Нина.

– Мы тоже, – хором поддержали ее Горобец и Ковалев.

– А я не уверен... – начал было майор, но его перебил Крайчек.

– Ладно уж, сделаем как ты, Максим, предлагаешь. – После этих слов Томас обратился к Нестерову: – Майор, отведешь Блюмера в подвал и запрешь. Объяснишь, что его изгнание откладывается на три дня. И все, больше ничего не говори, пусть помучается, поломают голову что тут и к чему. Да, вот еще что... Автомат его спрячешь у себя. Смотри, чтобы не пропал.

– Подчиняюсь воле большинства, – милиционер поднял руки. Сделал Нестеров это как-то уж очень резво, отчего мне подумалось, что финал этой истории все же устроил его, снял камень с души.

Майор встал и ушел. Он изъявил желание поскорее справиться с порученным ему заданием. Сказал, что чем раньше упрячет преступника под замок, тем спокойнее всем будет. Блюмер, мол, сейчас в состоянии аффекта, черт его знает, что может вытворить. Не думаю, что Сергей действительно представлял угрозу. Скорее Нестеров почувствовал себя неуютно в нашей компании. Мы все тут такие белые и пушистые, а он один палач с руками по локти измазанными в кровь невинных жертв.

После ухода милиционера мы еще долго сидели. Сперва вчетвером, потом к нам присоединился профессор Дягилев и архитектор Хлебников. Оба они были наслышаны о случившемся и оба поддержали наше решение дать Сергею шанс.

Мало-помалу беседа отошла от недавнего происшествия, потом от событий последних лет, и мы хорошенько повспоминали былое жите-бытье, былой мир. Хлебников с Ниной даже попробовали в два голоса затянуть песню. «Черный ворон» у них хорошо получился. Натурально так, по-фронтовому. На столе лежало оружие, исполнитель был одет в старый офицерский китель, а исполнительница вся в бинтах и синяках. Так что ни дать, ни взять бойцы после жестокого боя. И происходит все это году так в сорок третьем, где-нибудь на Курской дуге.

Надо сказать, что под протяжные звуки их голосов я и поплыл. Глаза стали закрываться, мысли путаться. Последнее, что я в этот день четко запомнил, были слова Крайчека: «А ну, мужики, покажите полковнику где он может прилечь».

Глава 3.

– Максим... Максим! – Кто-то тряс меня за плечо.

– А? Что? – Я резко вскочил, с ходу хватаясь за автомат.

– Да нормально все, успокойся, – Нина сидела рядом на корточках, а возле нее стояла зажженная керосиновая лампа. – Я тебя разбудить пришла, не то завтрак проспичь.

– Спасибо, Ниночка, – я расслабился и протер рукой глаза. – Бр-р-р... Чушь всякая снилась. Как побитый сейчас. Правду говорят: после сорока всю ночь спал, а чувство такое, будто пил и гулял.

Женщина улыбнулась:

– Не думаю, что тебе удалось выспаться. Мы ведь вчера допоздна засиделись, а сейчас восемь утра. Так что дрых ты от силы часов шесть.

– Да-да, – согласился я.

К этому моменту я уже более или менее раздуплился и мог оглядеться по сторонам. Ночь я провел в общей комнате. Когда-то это была гостиная одной из квартир первого этажа четырнадцатизэтажки, той смой, что вместе со спортзалом и образовывала убежище. Нар здесь не было. По периметру комнаты лежало с десятков ватных и паралоновых матрасов. Ну а мне, должно быть как гостю, достался мягкий, пружинный. В комнате мы с Ниной сейчас были одни. Весь народ уже давно пробудился и ушел. Только я один что-то заспался. Видать Крайчек это сразу заметил и послал ко мне дневального, который и должен был прокричать «Рота подъем!».

– Сейчас, Ниночка, я уже встаю. Свету бы добавить, а?

– Дизель уже два часа как выключили, – Нина отрицательно покачала головой. – Так что теперь придется довольствоваться керосинкой.

– Ладно, не голубых кровей, – я натянул свои армейские ботинки и стал их шнуровать. Пока занимался этим увлекательным делом, в голову пришла мысль: раз генератор заглушили, значит, в убежище больше нет нужды.

– Тучи ушли? – поинтересовался я.

– Ушли, – кивнула Нина. – Еще ночью ушли. Ветер сменился. Томас говорит, что за Одинцово стоит держаться хотя бы только потому, что тут преобладают западные и северо-западные ветра. Именно поэтому весь этот яд с Проклятых земель сюда доходит не так уж и часто.

– Это он правильно говорит, – я встал на ноги, накинул на плечи жилет, взял в руки вещмешок и автомат. – Я готов. Пошли, что ли?

Несколько минут мы брели по лабиринту обшарпанных комнат и коридоров. В свете керосиновой лампы мелькали то затертые бумажные обои, то дверные арки и фактурная отделка евроремонтов, то окрашенные масляной краской стены подъездов.

Чтобы превратить этаж в единое подземное общежитие, пришлось пробить множество новых дверей. Запомнить маршрут новичку казалось практически невозможным. Всякий раз, когда я попадал сюда, то ориентировался только лишь по нарисованным на стенах стрелкам. Но сейчас напрягаться не приходилось. Меня вел местный проводник.

Приближение к кухне сразу почувствовалось. По ушам ударил грохот кастрюль, а внос запахом все той же ячневой каши.

– Что у нас на завтрак? – поинтересовался я, хотя уже догадался каким будет ответ.

– То же, что и на ужин, – рассмеялась Нина. – Только чай мятный.

– Мятный это хорошо, – я обрадовался хоть какому-то разнообразию.

– Давай котелок, я тебе наберу, – предложила женщина. – А ты пока сходи, умойся. Помнишь где?

– Идет, – я протянул Нине крышку от котелка и свернул в правый коридор.

Здесь уже сопровождать меня не требовалось. На стенах висело несколько коптящих масляных светильников. Ориентируясь по ним, как по бакенам, указывающим кораблям безопасный фарватер, я быстро добрался до общественного умывальника.

В ванной комнате, в которую превратили целую трехкомнатную квартиру, я встретил майора Нестерова. Милиционер развел в кружке мыльную пену и готовился нанести ее на свою небритую физиономию.

– Приветствую правоохранительные органы, – поздоровался я.

– И вас туда же, – пошутил майор.

– Какие новости?

Я достал из вещмешка зубную щетку и абсолютно новый тюбик «Colgate». Благо с этим добром проблем пока не возникало. Мыло и зубной пасты в магазинах припасли на сто лет вперед. Вот только мыться теперь было некому.

– Если ты, полковник, о Блюмере, то с ним все нормально, – отозвался милиционер. – Сидит под замком.

– А новости кроме Блюмера? – я зачерпнул в кружку воды. Три больших оцинкованных бака стояли в углу комнаты.

– Я с утра разведчиков отправил на поиски того самого продсклада. – Нестеров облезлым помазком начал усердно мылить щеки и подбородок.

– Сколько людей послал? – я замер, так и не засунув зубную щетку в рот.

– Успокойся. Ошибочку мы учли. Ушло три группы по десять человек. Приказал не разбредаться. Всем держаться вместе.

– Это хорошо.

Я, наконец, приступил к чистке зубов. Вода была комнатной температуры, даже чуток теплее. Видать ее все-таки кипятили. Скважина скважиной, фильтры фильтрами, но рисковать Крайчек не хотел. Почувствовав свежесть во рту, я подумал, что неплохо бы освежить и все тело, а то почитай уже две недели не мылся. Это здесь у Томаса, хотя и примитивная, но все же душевая, а у других... Выдают полведра воды и занимайся гигиеной где хош, хоть под чистым небом. Однако на купание можно было рассчитывать только вечером. Светлое время суток я должен был потратить совсем на другое, на то, за что меня и величают оружейником, на то, за что мне платят кровом и едой.

По-быстрому закончив утренний туалет, я отсалютовал Нестерову и бодрой походкой направился в столовую.

На командирском столе одиноко стояла крышка моего котелка, а рядом горящая керосиновая лампа. Ни Нины, ни кого-либо другого в полутемном обеденном зале видно не было.

– Максим Григорьевич, это вы что ли будете? – послышался окрик из освещенного раздаточного окна.

– Допустим, – обернувшись на голос, я увидел молодую женщину в клетчатом платье с закатанными рукавами и мокром, отблескивающим свет керосинок, клеёнчатом переднике.

– Нина Андреевна просила ее извинить. Дела у нее какие-то неотложные. Вот и убежала. Пайку вашу оставила и убежала. – Женщина покосилась на зажатую у меня в руке кружку: – Вам чаю налить? Еще горячий.

– Если можно, – я кивнул, одновременно соглашаясь как на чай, так и выказывая понимание сложившейся ситуации.

Поел я быстро и даже можно сказать с аппетитом. Инопланетная дичь уже не казалась столь отвратной и подозрительной. Свыкся с ее видом, что ли? Может и так. Мы, те, кто уцелели, стали не очень-то привередливые, меняемся и приспособляемся прямо на ходу. Скорее

всего, именно в этом и заключается наш основной рецепт выживания. После завтрака сполоснул котелок, попрощался с приветливой поварихой и уверенно шагнул за порог убежища.

Дневной свет заставил сощуриться. Показалось даже, что наконец проглянуло солнце. В надежде на чудо я поднял голову и поглядел вверх. Ага, размечтался! Это лишь контраст после полумрака подземного бункера. Небо, как и все последние годы, было затянуто густой пеленой низких серых облаков. Беспросветной пеленой. От того и холод такой вокруг. Сейчас между прочим середина лета, а температура в полдень подымается всего до пятнадцати градусов, и хоть ты тресни не желает переползать через эту черту. Не хочется называть эту ситуацию ядерной зимой, может поэтому мы и придумали неопределенно-обтекаемое «большая мряка». И когда она закончится одному богу известно. Мы все в глубине души надеемся, что это произойдет на нашем веку, ведь не ядерная же зима, мряка... хотя и большая.

Прежде чем направиться к своей машине, я огляделся по сторонам. В лагере все выглядело обычно, буднично. С полсотни людей копошились в теплицах. Где-то позади убежища слышался приглушенный гомон множества голосов вперемешку со стуком лопат и молотков. Там заканчивали Южные ворота. Вон и дверца для них уже почти готова. Я поглядел налево в сторону небольшого одноэтажного домика, внутри которого расположились мастерские. Как раз рядом с ним и стоял старый войсковой «Урал». К задку грузовика уже начали приваривать второй заградительный щит. Чуть поодаль виднелась длинная оранжевая автоцистерна. Раньше ее тут не было. А... знаю! Должно быть, та самая, о которой упоминал Томас. Драгоценная солярка для дизеля.

Вокруг кипел людской муравейник, частью которого я тут же себя почувствовал. И это было приятно. Это было воспоминанием о прошлом, том прошлом, в котором жил не бродячий волк по кличке Макс, а Максим Григорьевич Ветров, полковник могучей армии, гражданин великой страны. Неожиданно накатило желание быть нужным, полезным. Переполненный им я быстро двинулся к своему БТРу.

– Мать моя родная! – восторженный возглас вырвался из груди, как только я подошел к своей «восьмидесятке». Машина не была такой чистой должно быть с тех самых пор, как ее борта регулярно полировали руки солдат, входивших в состав боевого экипажа «302-го». А было это... еще до ханхов.

Твердо решив, что выдам семейству Орловых по поощрительному боекомплекту, я отпер дверь и принялся вытягивать наружу свое добро. Минут через десять я начал подъем на стену, таща на себе сумку с инструментами, чехол с двумя стволами для НСВ «Утес», ручной пулемет Калашникова образца 1961 года и два барабанных магазина к нему. Ко всему этому имуществу следовало добавить мой собственный автомат и четыре рожка патронов в кармашках нагрудника – вещи, с которыми я никогда не расстаюсь. Короче, тяжесть еще та... в пору лошади, а не человеку.

Когда выложенные из кирпича ступени уже практически остались позади, дежурившая на стене группа меня, наконец, заметила. Двое молодых парней кинулись помогать. Не выказав ни малейшего сопротивления, я вручил одному из них РПК, а другому увесистые дисковые магазины на семьдесят пять патронов каждый и стволы к крупнокалиберному пулемету.

Из тех, кто сегодня нес вахту над воротами, я кое-кого знал. Пулеметчика звали Лёха, его второго номера Степаном Кузьмичом. Самое смешное, что Степана Кузьмича я запомнил совсем не по лицу, а по одежде, вернее по куртке. Спортивная такая, из плотной непромокаемой ткани довольно яркой расцветки – черно-красно-белая. Помнится, я как-то раз тактично намекнул ему о необходимости маскировки. Жить, мол, дольше будешь. На что Кузьмич хохотнул и ответил, что он как та ядовитая гадина, издалека видать. Попробуй только тронь, не поздоровится.

Помимо пулеметного расчета память надежно хранила лица двух автоматчиков: здорового белобрисого парня в тертой кожаной куртке и солдата в ХБ и залатанном армейском

бушлате, на погонах которого все еще оставались лычки младшего сержанта. Правда имен ни первого, ни второго я не помнил, а может никогда и не знал.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сержант лихо отдал честь.

Похоже, ему доставляло удовольствие выделяться своей армейской выправкой и удалью над всеми присутствующими здесь штатскими. Детство в жопе играет. Тяга к доблестному и героическому. И как это в нем не перегорело за столько-то лет?

– Вольно, – махнул я сержанту. – Здорово мужики! – кивнул всем остальным.

– Ну, наконец-то! Добрый доктор Айболит пожаловал, – поднялся мне навстречу Степан Кузьмич. – А то пациент уже заждался. – Второй номер пулеметчика мотнул головой в сторону крупнокалиберного «Утеса».

– Скорее не Айболит, а врач-реаниматор, – хмыкнул я. – После вас только он и требуется.

Тут я кивнул дум своим помощникам, показывая куда поставить РПК и боеприпасы к нему. Как только ручной пулемет занял место на краю стены, я тут же начал его заряжать. Пока буду копать с «Утесом» мой безотказный Калашников станет главным защитником северных ворот.

– Славно вы вчера, товарищ полковник, многолапых покосили, – с завистью в голосе обратился ко мне пулеметчик Лёха. – Вот что значит крупный калибр. На куски этих сук так и рвало. Загляденье одно!

Лёха поглядел вниз со стены. Он словно и впрямь желал полюбоваться на валявшиеся там груды трупов. Я прекрасно понимал, что скорее всего там уже ничего нет, но все же не удержался и покосился туда же. Пусто. Я так и знал, что будет пусто. Только земля перепахана, как будто ее здоровенным кнутом вдоль и поперек исстегали.

Пулеметчик заметил мой взгляд и поспешил сообщить:

– Что тут ночью творилось... Жутко даже представить. Ребята, которые в ночную стояли, говорят земля гудела, а воздух дрожал словно во тьме железнодорожные составы носились. Они со страху все фонари зажгли, и резервные, и сигнальные, только бы не подпустить.

– Призраки? – я спросил, а сам указал Лёхе на РПК, давай, мол, занимай позицию.

– Вначале местное зверье пировало, а ближе к полночи... – Лёха взял артистическую паузу. – А в полночь, значит, они и заявили. Все выжрали, даже костей не оставили.

– Что-нибудь новое заметили? – достав из сумки с инструментами кусок брезента, я развернул его и стал расстилать рядом с «Утесом».

Я готовился к разборке пулемета, но мысли мои действительно были заняты самыми таинственными и смертельно опасными существами на современной земле, теми, кого мы окрестили призраками. Они появлялись только среди ночи и к свету не приближались. Полагаю, именно благодаря этому мы и продолжаем все еще оставаться в живых, поскольку от призраков другого спасения нет, только свет. Я слышал истории о том, как довольно большие и хорошо вооруженные отряды, которых ночь застигла посреди пустоши, и которые не нашли ничего подходящего, чтобы развести большие костры... Эти отряды бесследно исчезли, словно испарились вместе со снаряжением и оружием. Само собой, что о призраках почти ничего не знали. Видевшие их унесли эту тайну с собой на тот свет. Так что вопрос заданный мной дозорным был скорее традиционным. И честно говоря, я ждал на него не менее традиционный ответ.

– Один парень, дежуривший этой ночью... – неуверенно протянул молодой черноволосый автоматчик, который помогал мне нести пулемет. – Он говорил... ему показалось...

– Да что ты, Карен, сопли жуешь! – прикрикнул на него Лёха. – Говори уже, раз начал!

– Игорь Дмитриев рассказывал, что видел какие-то тряпки, – смущаясь, произнес парень по имени Карен.

– Какие еще нахрен тряпки? – в один голос переспросили я и Степан Кузьмич.

– В темноте на уровне стены вдруг мелькнули развивающиеся полосы черной ткани, легкие и тонкие такие... как марля. А потом исчезли. – Карен пожал плечами. – Это так Игорь говорит.

– Это у него стекла в противогазе со страху запотели. Вот и мерещится всякая чушь. Ткань он видел! А мумию, на которую эта марлевка была намотана, твой Дмитриев случаем не приметил? – зашипел Лёха.

– Зря ты так, – осадил пулеметчика я. – Может эта погань только похожа на ткань, а на самом деле что-то совсем другое.

– Что другое? – пожал плечами пулеметчик.

– А бес его знает что. Пока не подстрелим или не поймаем, разобраться будет сложновато.

– Я, честно говоря, не рискнул бы в эту штуковину стрелять, – признался молчавший до этого здоровяк в кожанке. – Когда мы на свету, она нас не трогает, но черт его знает что будет, если эта тварь рассвирепеет.

Парню никто не ответил, даже никто не стал подтрунивать над его трусостью. Это, наверное, потому, что каждый в глубине души с ним согласился.

– Ладно, хорош о призраках, – прервал повисшую вдруг тишину я. – Давайте, рассказывайте, как себя вел мой подопечный? – при этих словах я любовно похлопал НСВ «Утес» по ствольной коробке.

– Гильза в последнее время стала застревать, – пожаловался Лёха. – Приходится ее оттуда вручную выколупывать. А когда драка идет, это, прямо скажем, очень и очень напрягает.

– Посмотрим, посмотрим...

Я сразу сообразил, что придется менять зацепы затвора и тут же начал выкладывать на брезент инструменты и запчасти из ЗИПа. «Утес» – машина серьезная и непростая, ее только специалист наладить может.

– Повезло нам, Григорич, что ты в живых остался, – словно прочел мои мысли Степан Кузьмич. – Ума не приложу, как бы мы со всеми этими железяками сами управлялись!

– Всем нам повезло, – буркнул я, – особенно вон ему. – Я кивнул в сторону младшего сержанта мотострелка. – Из таманцев, пожалуй, он только один и уцелел. Других, по крайней мере, я не встречал.

– Васёк, а, Васёк, расскажи еще раз, как там все было? – попросил Карен и младшего сержанта. – А то я твою историю лишь обрывками слышал.

– Давай, расскажи, – присоединились к черноволосому юноше сразу несколько человек. – Делать то все равно нехрен.

– Никаких баек! За обстановкой лучше следите! – я вроде как и не мог им приказывать, однако все же не удержался. Ишь, рассобачились!

– Мы с вами, товарищ полковник, вчера почти всю стаю кентавров, ту, что промышляла в нашем районе, перемолотили. Теперь несколько дней можно жить спокойно.

– Во-первых, нам о спокойствии следует позабыть. Времена сейчас не те, чтобы успокаиваться и терять бдительность, хотя бы даже на день, на час, на минуту. – Я грозно повысил голос. – А во-вторых, разведчики утром ушли? Ушли. А им в любой момент помощь может понадобиться. Сигналить могут. Так что следить надо в оба.

– Григорич прав, – посерьезнел Лёха. – А ну, все разошлись по своим местам! И не спать там!

Если я являлся для охранников кем-то вроде свадебного генерала, то пулеметчик Алексей был генералом реальным, взаправдашним. Именно он командовал на этом участке периметра. Поэтому, услышав его приказ, люди лениво потянулись на свои огневые точки. Рядом со мной остались лишь расчет пулемета да младший сержант, позиция которого располагалась в трех шагах от «Утеса».

– Да... дисциплинка еще та! – протянул мотострелок. – А помните, товарищ полковник, как у нас раньше в армии было?

– Завязывай ты уже про свою армию талдычить! – Лёха раздраженно отмахнулся. – Вы вон с полковником дивизиями, корпусами, армиями на ханхов перли... танки, самолеты, ракеты... А толку то? Ноль целых шиш десятых. Все там и полегли, не причинив врагу ровным счетом никакого урона. А почему? Потому, что делали все тупо прямолинейно, как в академиях учили, как будто перед вами был не инопланетный противник, а какой-нибудь диктатор из банановой республики со своей тупой наемной армией. – Тут пулеметчик покачал головой. – Нет, не так все надо было делать.

– И как же? – поинтересовался я, поигрывая в руке молотком. Я как раз закончил неполную разборку пулемета и теперь готовился отделить крышку приемника патронов.

– По-тихому. Нападать не на корабли, а на цели поменьше. К примеру, летающие транспортники или машины, которыми ханхи наши полезные ископаемые из земли вытягивали.

– Между прочим, они эти свои машины тоже охраняли, – заметил я.

– Охраняли, – согласился Лёха. – Но эта охрана по сравнению с охраной звездолетов... Тфу! Мелочь!

– Мелочь говоришь?! – хмыкнул я, одновременно с этим выбивая выколоткой ось отражателя.

– Ну, может не мелочь, – пошел на попятную пулеметчик, – но задача вполне выполнимая. Если уж с ней справились ополченцы, то для регулярной армии...

– Стоп! – притормозил я Лёху. – Где это ты слышал об ополчении, да еще которое ханхам по шарам накостыляло?

– Это он историй Одноглазого наслушался, – быстро сориентировался Степан Кузьмич.

– Одноглазого? Кто такой одноглазый?

– Да приболудился тут один товарищ. Мы думаем он того... слегка не в себе. Говорит, что с Белоруссии пришел. Откуда-то из-под Могилева.

– С проклятых земель значит?!

К человеку, заявившему такое, у меня как-то сразу складывалось определенное отношение. И характеристика «слегка не в себе» это еще мягко сказано. Поэтому дальше я, конечно, слушал, но уже не так внимательно. Следовало заниматься делом.

– А я ему верю, – подписался за Одноглазого пулеметчик. – Такое просто так не придумаешь, такое видеть надо.

– И чего этакое рассказывал ваш гость? – я закончил со ствольной коробкой и взялся за разборку затвора.

– В Белоруссии, где-то почти у самой границы с Россией крупное месторождение фосфоритов имелось. Ханхи в самую первую очередь на него накинулись. Олесь рассказывал, в карьеры ежей металлических забросили. На морских очень похожи, только размером со стадион. Вот они там, значит, крутились, скребли своими иглами, а добытую породу в себя засасывали. Самое жуткое, что машины эти все подчистую крушили и камень, и здания, и технику, и людей. Местные сразу смекнули, что любви и согласия у нас с инопланетянами не получится. – Тут Лёха, подчеркивая значимость произносимых им слов, потряс указательным пальцем. – Заметь, Григорич, смекнул еще до того, как это до правительства дошло.

Я согласно кивнул, и Лёха с удовлетворением продолжил:

– Так вот, нагрузили они полный грузовик взрывчатки, благо у добытчиков ее имелось в достатке, дистанционный взрыватель приладили и спустили автомобильчик прямо под один из ежей. Рвануло знатно. У этой инопланетной крутелки чуть ли не четверть всех шипов отвалилось и дыру в корпусе пробил. Окрыленные успехом, наши уже начали второй грузовичок готовить, как вдруг стервятники налетели, машины их, значит, боевые. И давай они весь этот район песочить. Тысячи людей положили.

– Чего и следовало ожидать, – подвел итог я. – Все без толку.

– И ничего не без толку. Белорусские ребята и на них управу нашли. Целых две машины все ж таки завалили. А остальные после этого поскромнее вести себя стали. Только разработки и охраняли, в леса не совались.

– Белорусские партизаны! – хохотнул Степан Кузьмич. – Крутые пацаны.

– А из чего ханхов то завалили? – меня в этой маловероятной истории больше всего заинтересовала техническая сторона вопроса.

– Не знаю я. Что-то там один инженер придумал. Поля какие-то. Это все шибко сложно для меня. Я ведь не доктор наук. Я раньше в Москве ди-джеем в ночном клубе работал, музыку крутил.

– А твой этот... как его... Олесь, он знает?

– Должно быть, кое-что знает, – пулеметчик замялся. – Но он вообще-то лесник.

– Короче, научными познаниями тоже не отягощен, – сделал вывод Степан Кузьмич.

– Фуфло это все, – подал голос так долго молчавший младший сержант. – Вы бы видели как нас сожгли. За несколько минут... всех... всю бригаду. Я-то выжил только потому, что меня...

– Танком перевернувшимся накрыло, – перебил таманца Лёха. – Знаем, уже сто раз слышали.

Я завершил разборку пулемета и приступил к его чистке и смазке. Не забыл также заменить в затворе сносившийся верхний зацеп. Делал я все это чисто автоматически. Руки работали сами собой, как будто даже без участия головы. Во-первых, это потому что занятие было знакомое. Я по нескольку раз в неделю обслуживаю крупнокалиберные пулеметы во всех поселениях, через которые лежит мой маршрут. Ну и во-вторых... во-вторых, потому что меня заинтересовала данная тема. Пока еще не знаю чем. Было в ней что-то такое... что-то, я бы сказал, обнадеживающее, греющее душу, тешащее уязвленное самолюбие. Может это от того, что наконец я узнал о чуде, настоящем чуде для нас, военных. Кто-то из людей таки надрал задницу ханхам. Ладно, пусть не надрал, пусть только залепил отчаянную, смелую и совсем не смертельную оплеуху. Но все равно это была крошечная победа, которую мы все так долго ждали. Это, конечно, если рассказчик не умалишенный, не отъявленный лжец... или просто фантазер.

– Эх, поглядеть бы на него, послушать, расспросить.

Я сам не заметил, как произнес эти слова вслух. И сказаны они были явно невпопад той перепалке, что шла между сомневающимся младшим сержантом и пулеметчиком Лёхой

– На кого поглядеть? – уставились на меня два обескураженные спорщика, которые не смогли быстро сориентироваться о чем это я.

– Да на вашего Одноглазого или как там его, Олеся что ли.

– Ну, так в чем проблема, товарищ полковник? Поглядите, расспросите, – пожал плечами Лёха.

– Наверняка дрыхнет сейчас твой лесник. После ночного дежурства отдыхает. – Вмешался в разговор второй номер пулеметчика. – А после обеда как всегда в теплицы поскочет. Природолюб он и в Африке природолюб.

– Я слышал Олесь вечером снова на дежурство заступает. Здесь, по-соседству, на стене номер один, – проинформировал Алексей. – Подменяет там кого-то. Вот, товарищ полковник, во время дежурства вам и будет самое время с ним потолковать.

– Во время дежурства следует службу тащить, а не разговоры разговаривать, тем более ночью, – пробурчал я, хотя сам для себя уже решил, что обязательно пойду вечером на стену.

Все участники нашей увлекательной беседы приняли мое замечание на свой счет. Балабол Лёха засопел и, вцепившись в рукоять РПК, стал сквозь прорезь прицела выискивать неве-

домых противников, притаившихся в руинах напротив. Не знаю уж, куда он там глядел, но сигнал об опасности первым подал мотострелок.

– Внимание, движение! – громко прокричал младший сержант. И тут же поспешил успокаивающе добавить: – Отставить тревогу. Свои.

– Следить за окрестностями! – Лёха вспомнил, что он здесь командир. – Их могут преследовать.

Молодец, сообразил, – я мысленно похвалил пулеметчика и, оторвавшись от работы, глянул вниз.

То, что это одна из ушедших поутру поисковых групп, стало ясно с первого взгляда. Только что-то уж очень они быстро. Сейчас ведь только... Я глянул на свои старые потертые командирские часы. Да, точно, без четверти одиннадцать. Так что вариантов всего два: либо выполнили задание, либо стряслось что-то неожиданное. Подумав о нехорошем, я чисто автоматически пересчитал возвращающихся людей: один, два, три... девять, десять. Слава богу, кажись все.

Тем временем разведчики приближались. Шли они быстро, не переговариваясь и не оглядываясь назад. У каждого за плечами висел либо туго набитый рюкзак, либо вещмешок.

– Похоже, что-то разыскали, – предположил младший сержант. – Уходили они налегке.

– Сейчас узнаем, – Лёха махнул своим людям. – Опускайте лестницу!

Для охотников и разведчиков ворота никогда не открывали. Хлопотно, да и к тому же лишний риск. Поэтому уходили группы через стену, спускаясь и поднимаясь по длинной деревянной лестнице. Ее то сейчас как раз и опускали вниз. Как только лестница коснулась земли, двое из охранников вооружились деревянными рогатинами и стали приподнимать витки колючей проволоки, самопальную спираль Бруно, навитую по краю стены.

Все с нетерпением ждали появления разведчиков. Какие новости те принесли? Чем обрадуют или не дай бог огорчат? Всеобщая нервозность зацепила и меня. Я положил на брезент только что прочищенный газовый регулятор и, поднявшись на ноги, глянул вниз. Разведчики заняли там круговую оборону и по одному карабкались вверх. Молодцы, здорово их Нестеров вымуштровал. За руинами и домами напротив надо непременно следить. Пусть даже ты только что пришел оттуда и по пути ровным счетом никого не встретил. Только я об этом подумал, как что-то мелькнуло в окне первого этажа стоящего напротив здания. Я замер и пригляделся. Движение не повторилось. Все оставалось тихо и недвижимо. Показалось что ли? Ведь я же не глядел туда. Просто что-то дернулось на самом краю поля зрения. Мало ли что это могло быть. Соринка в глаз попала.

Я решил никому не говорить о своем видении, но и позабыть о нем тоже не мог. Пока все разведчики не поднимутся на стену, я буду глядеть туда и буду начеку. Я добросовестно выполнил данное себе обещание. Расслабиться смог лишь тогда, когда последний боец разведгруппы поднялся на стену, а вслед за ним туда же вползла длинная пожарная лестница.

Последним, как и полагается, поднялся командир, который до конца прикрывал отход своих людей. Подойдя к нам, он рукавом вытер вспотевший лоб, пригладил свои встопорщенные усы и с облегчением прогудел:

– Фух, запарился. Почти час через руины перли, и все бегом.

– Чего бежали то? – Поинтересовался Степан Кузьмич. – Нашли что искали?

– Нашли, – мужик похлопал по ранцу стоящего рядом юноши из его группы. – Большой продмаг. Похоронило его под обрушившейся стеной. Это же надо, сколько раз ходили рядом и не думали, что он там!

– А как сейчас отыскали? – поинтересовался Лёха.

– То ли грунт просел, то ли еще чего произошло... короче, кусок вывески из-под кирпичей выглянул. Только слепой не заметит.

– Продуктов много? – Кузьмич решил выяснить главное.

– Не особо, – скривился разведчик. – В основном только сыпучка и осталась: крупа, макароны, мука. А все, что в банках, пачках и бутылках кто-то уже основательно подмел. Должно быть, еще тогда... когда паника началась. Мы сейчас с собой только остатки принесли: чай, соль, приправы там разные...

– Сыпучка тоже кое-что, – мечтательно протянул Лёха. – Особенно макароны.

– Хорош о жратве, – потребовал младший сержант. – До обеда еще три часа.

– Надо пошевелиться, – заторопился командир разведчиков. – Пойду, доложу Крайчеку. До темноты желательно все перетащить. Нельзя оставлять. Там теперь нашим духом штыряет. Ночью могут слизняки напозти. А это еще те гады... все выжрут.

– А сейчас, что ж, вы так все и бросили? – возмутился пулеметчик.

– Как можно бросить! – обиделся разведчик. – Там наша вторая группа осталась. Никого близко не подпустят. Ну, а ночью, сами понимаете, никто там дежурить не останется. Жить пока никому не надоело.

Мужик поправил свой вещмешок, повесил на шею автомат и со словами «Мы пошли» двинулся к ступенькам каменной лестницы.

– Стой! – окрикнул его я. – Передай Крайчеку, что с транспортировкой я помогу. Пусть готовит прицеп.

– Вот это дело, полковник! – обрадовался командир разведгруппы. – Теперь не надо будет это все на горбу переть. Мешки-то не маленькие, а расстояние километра три, да еще и завалы обходить.

– Через час я тут все закончу, и можно будет двигать, – я уже хотел снова взяться за пулемет, но вдруг очень захотелось узнать: – А что за группа осталась на охране? В ней Орловых случайно нет? Может знаешь, брат и сестра?

– Там они, – кивнул усач.

Значит там... От слов разведчика у меня на душе появился какой-то мерзкий осадок, какой-то нехорошее предчувствие. Именно поэтому я тут же крикнул в спину уходящему разведчику:

– Планы поменялись. Выезжаем через сорок минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.